

ТАИР АЛИ

МИРЗА ХАЛИЛ И КОТ В МЕШКЕ

ПОВЕСТЬ

Лев чихнул, и появилась кошка.

Персидская пословица

Torbada pişik varmış.

Азербайджанская пословица

1

Во вторую неделю ноября на выходе из Торгового Центра Мирза Халил встречал знакомого людоеда.

День был сырой и пасмурный, и пока Мирза Халил переходил из одного магазина в другой в поисках подходящего подарка ко дню рождения внука, на парковке за стеклянным фасадом мола становилось все темнее, и на полированных поверхностях автомобилей все чаще вспыхивали неоновые зигзаги бесшумных молний. В конце концов зарядил дождь. Определившись с подарком где-то к половине четвертого (впоследствии, восстанавливая в памяти события этого дня, он был в этом почти уверен), Мирза Халил не удержался и примерил в обувном магазине теплые «мадэ ин чайна» полуботинки, стоявшие на распродаже с почти тридцатипроцентной скидкой, после чего уже спустился по эскалатору на первый этаж. Но вместо того, чтобы сразу направиться к карусельно крутящимся дверям, задержался перед входом в турецкое кафе. Оттуда вкусно пахло. Бородатый зазывала за витриной жестами приглашал его зайти внутрь, однако Мирза Халил уже успел подвести в уме нехитрое сальдо и решил, что и так довольно потратился для одного дня. Дома в холодильнике оставались еще четыре бараньих антрекота, которые нужно было лишь чуть подрумянить на сливочном масле. Сглотнув слюну, Мирза Халил застегнул пуховик, подхватил пакеты с покупками и, оглядев очередь в «Second Cup», выстроившуюся между двух высоких пальм, быстро пошел к выходу, прикидывая, сколько будет стоить доехать до дома на такси. Конечно, если бы не дождь, он бы пошел пешком. Идти-то было всего минут десять: от проспекта Тебриза свернуть вниз, затем напрямик, через парк, до бывшей улицы Левандовского. Там, за детской зубной поликлиникой, на четвертом этаже капитального сталинского дома и находилась его квартира.

Ходить он привык быстро. Почти полубегом. Но двигаться с покупками было неудобно. Особенно мешала коробка с пожарной машиной, которая высывалась больше, чем наполовину, из огромного полиэтиленового пакета. Маневрируя во встречном потоке вбегающих в Торговый Центр забрызганных дождем покупателей, Мирза Халил попытался засунуть коробку подмышку и не заметил, как столкнулся лицом к лицу с благообразным мужчиной в твидовой кепке. Позже, вспоминая это, Мирза Халил утверждал, что почему-то обратил внимание на твидовую кепку в толпе еще издалека.

– Ага, – сказал мужчина вкрадчиво и чуть иронично, мягко хлопнув оторопевшего Мирзу Халила по плечу. – Вот я тебя и поймал! Как дела, Мирза? Смотри, смотри хорошенько, неужели не узнаешь?

Именно это обстоятельство и удивило Мирзу Халила больше всего, потому что он узнал его тотчас, безошибочно, не задумываясь. Этот человек просто выпрыгнул, как черт из табакерки, откуда-то из сумрачных глубин его памяти – весь, целиком, со всеми деталями и подробностями. словно бы и не прошло более трех десятков лет между их последней и нынешней встречей. И вот, пожалуйста, «здравствуй ж...а, Новый год!» И не то, чтобы он не изменился за эти годы: изменился, да еще как! Но эти по-кошачьи чуть жеманные манеры, нос, неуместный для местных широт – большой пуговицей, и, конечно же, голос – не оставляли ни капли сомнения: перед ним стоял, словно воскресший из мертвых, бывший сосед по двору и одноклассник доктор Игбал.

– Подожди, подожди... – засуетился Мирза Халил. – Ты что тут делаешь?

Вопрос был, конечно, дурацкий, но ничего другого в голову ему не пришло. И о чем вообще можно спрашивать у человека, которого не видел без малого тридцать пять лет? Не про здоровье же? Между тем, энергично пожимая Мирзе Халилу руку, Игбал вдруг притянул его к себе и тепло обнял:

– Даже не представляешь, как я рад тебя видеть! – Мирзе Халилу стало неловко. – Кто бы мог подумать, нос к носу столкнулись...

Так они и стояли некоторое время, обнявшись и одинаково мешая как входящим, так и выходящим людям.

– Послушай, – встрепенулся, наконец, доктор Игбал. – Тут есть кафе турецкое, очень неплохое. Давай там сядем, выпьем чаю, поговорим нормально.

– Честно говоря...

– Ты, небось, на пенсии уже?

– А ты как думал?

– А я все кручусь, наверстываю, как говорится, упущенное время. Тут на втором этаже у меня магазин, между прочим. «Ле Шато», шмотки из Европы гоняем. С партнером. Так что я теперь, Мирза, бизнесмен!.. Давай, давай, пошли! Неужели полчаса не уделишь старому другу!

Они направились в кафе.

– Часто здесь бываешь?

– Да нет, это я внуку подарок пришел искать. А так, чего мне тут ловить, у внука день рожденья завтра...

– Да ты что? Поздравляю! Чтобы вырос большим мальчиком! Это дело надо отметить, и нашу встречу тоже, кстати.

– Обязательно, обязательно, – легко согласился Мирза Халил. – Вот на следующей неделе что-нибудь придумаем. Или ...

– Мирза! – воскликнул Игбал. – Тридцать пять лет назад, на Щорса, когда я тебя в последний раз видел, помнишь? У тебя еще портфель такой был? Как у типичного следователя: кожаный, блестящий, новенький. Я их потом достаточно повидал. Да ты и сам такой был – весь из себя, следователь, короче. Побритый, причесанный...

– Ну да. Портфель отец подарил на окончание...

– Это понятно, а ты что сказал мне, помнишь?

– «На следующей неделе соберемся».

– Вот тебе и ответ, следующего раза может и не быть!..

При виде возвращающегося Мирзы Халила бородатый зазывала победно улыбнулся и провел их к свободному столику.

– Слушай, – сказал Игбал, скидывая с себя модную кожаную куртку. – Ведь уму непостижимо, нам тогда, в последнюю встречу, по тридцатнику было? Так ведь? Опомниться не успели, а уже внуку пять лет...

– У тебя тоже внук? Один?

– У меня? Откуда у меня внук? – развел руками Игбал. – Я даже жениться не успел. Все это случилось... Ну, ты же помнишь. А потом уже куда? Пока в себя приходил, жизнь налаживал. Еще поговорим об этом. А из всей семьи у меня один черный кот, – усмехнулся он. – Сам к дверям пришел, не прогонять же.

Мирзе Халилу стало неловко.

– Ну да, понятно. А моему завтра точно пять исполняется. А я разве сказал, сколько ему будет?

С лица Игбала вдруг сошла дружелюбная улыбка, он медленно подался вперед, буравя Мирзу Халила холодным насмешливым взглядом сумасшедшего, и сказал очень спокойно:

– Если не говорил, Мирза, откуда же я тогда знаю?

...Мирза Халил проснулся раньше будильника. С наждачной сухостью во рту, головной болью и прочими симптомами обильного возлияния накануне. С трудом оторвав голову от подушки, он сел на застеленной постели, взъерошенный, без вставных зубов, дыша крепким перегаром, от которого его чуть подташнивало. По гостиной, где перед телевизором имел привычку спать на диване Мирза Халил, из незанавешенного окна струился холодный свет наступающего осеннего утра. Чуть подвывал ветер. Болезненно щурясь, он сверился с мобильным телефоном: 5:42, ни пропущенных звонков, ни мейлов, ни новых сообщений, не считая, конечно, свежих предложений о льготных тарифах от туроператоров и предновогодних скидках от всевозможных бутиков. Собравшись с духом, Мирза Халил, наконец, поднялся с места: в голове сразу же зашумело, запульсировало, закружилось. Восстанавливая равновесие, он тяжело и желчно рыгнул. Судя по сегодняшнему его состоянию, выпито накануне было гораздо больше привычной нормы. Однако вот что было странным: одежда его оказалась аккуратно сложена стопкой на кресле, в стакане с водой скалилась вставная челюсть, а рядом с журнальным столиком самым вызывающим образом его ждали тапочки, которые обычно по утрам приходилось выволакивать вместе с комками пыли из-под дивана. По правде сказать, думать об этом в его состоянии не было никаких сил, шаркая босыми ногами по паркету, он заторопился в туалет.

Про покупки Мирза Халил вспомнил уже только после душа, когда брился, с осуждением разглядывая собственное лицо в потеющем от пара зеркале. Распаренный, голый, с намыленными щеками, он выскочил из ванной, заметался по квартире. А когда обнаружил вчерашние пакеты в коридоре под вешалкой, вместо того, чтобы обрадоваться, рассердился и в голос выругался. Вещи было в целостности и полной сохранности, и вообще все выглядело так, как будто, вернувшись домой после серьезной попойки, он, не найдя себе лучшего занятия, до утра убирался в квартире, во всяком случае, до 5:42, пока не проснулся на застеленном диване от жажды и кишечных коликов. Самое отвратительное, что события вчерашнего вечера никак не хотели восстанавливаться в памяти. Мирза Халил более-менее отчетливо помнил турецкое кафе, какие-то отрывки их разговора. Помнил, как они выходили из Торго-

вого Центра и садились в черный внедорожник, бритый наголо водитель которого все время сопел носом и подобострастно поддакивал доктору Игбалу. Помнил Мирза Халил и то, что они оказались в каком-то дорогом ресторане с панорамным видом на море, где-то за Баилово, а дальше... дальше он ничего уже не помнил. Дальше начинался необъяснимый провал.

Мирза Халил зачесал назад редкие и еще влажные волосы, тотчас послушно прилипшие к его мосластой голове, накинул халат и вышел, наконец, из ванной. Заехать за ним должны были только к восьми. Оставалось еще достаточно времени, чтобы позавтракать. Но его все еще продолжало мутить.

– Откуда только на мою голову свалился... – вполголоса ворчал Мирза Халил, продвигаясь к кухне. Следовало бы, конечно, измерить уровень сахара в крови, особенно после вчерашнего незапланированного срыва. Ультрасовременный глюкометр, подаренный ему, между прочим, в прошлом году сыном и невесткой, ждал его в верхнем ящике серванта. Но, не желая себе портить настроение перед долгожданной поездкой за город на день рождения единственного внука, он демонстративно прошел мимо шкафа.

Он ставил на плиту чайник, когда залился трелью мобильный телефон. И, разумеется, это была Сара, кто же еще мог звонить в семь часов утра? Сестра-близнец, родившаяся то ли на три, то ли на пять минут раньше него, но успевшая при этом довольно основательно испортить ему все детство и часть юношества. Говорить с ней не хотелось, но игнорировать ее звонки было контрпродуктивно: это лишь раздражило бы ее, и уж тогда она стала бы названивать без остановки каждые десять минут.

– Встал уже? Думаю, давай позвоню, разбужу, на тебя надежды нет...

– Все в порядке, встал, душ принял, сейчас буду чай пить... – раздраженно буркнул Мирза Халил. – Все, давай, потом поговорим.

– Ты с ума сошел? Ты же в дорогу выезжаешь? Зачем ты сейчас душ принимал? Я не понимаю, на улице что, лето? Высуши голову феном обязательно!

– Сара!

– Что? Когда сляжешь, кто будет за тобой смотреть? Ты думаешь, эта сучка, твоя невестка со слоновьими икрами примчится за тобой ухаживать? Она прямо спит и видит!

– Сара, не начинай опять! – безнадежно сказал Мирза Халил, вспоминая, что икры у невестки были действительно толстоваты, да и сама она даже в подметки не годилась Джине Лоллобриджиде, которую он еще с юности раз и навсегда определил в эталоны красоты...

– «Сара, не начинай...». У тебя, кроме меня, никого нет, понимаешь ты это или нет? А ты только и знаешь: «Сара, не начинай...» Вот я тебе еще раз говорю, поедешь туда, во-первых, оденься тепло, но красиво, чисто. Вместо своего дешевого пуховика надень пальто. Вещи все аккуратно собери. Ничего нигде не забывай. Главное, подарок, который я тебе положила, не забудь! Ты понял? Не забудь!

– Не забуду, не беспокойся.

– Ни с кем там, Мирза, не ругайся, ни во что не встревай. Ни в какие разговоры политические, еще какие-то – не лезь. Мало ли, кто там будет. Понимаешь? Сейчас – сам знаешь!.. И себя дураком выставишь, и сына подставишь. Какой-никакой – это твой сын. Других детей у тебя нет... Да, конечно, она мерзость, интриганка, кто спорит? И отец такой же, телескоп, миллионер сраный, тоже мне...

– При чем тут телескоп?

– Ну, аквариумные рыбки такие черные, у Эльмара были, с пузатыми глазами. Эльмар их телескопами называл, уж не знаю, как их правильно называть. У меня на курс старше учился один такой: точно как этот твой тесть с рыбьими глазами. Может, даже родственник! На стоматолога учился, а на фалангах пальцев волосы росли толстые, как проволока, я у него однажды спросила, как он собирается такими пальцами людям в рот залезать...

– Сара! – спохватился Мирза Халил. – Подожди, подожди, что тебе расскажу! Ты говоришь, на стоматолога, – ты знаешь, кого я вчера встретил? Точно не угадаешь!

– Ну?

– Соседа нашего!

– Стоматолог... сосед... про кого ты говоришь? Не соображу...

– Я же говорю, не догадаешься, – доктора Игбала! Представляешь?

– Кого? – удивилась Сара. – Людоеда Игбала? Так он сто лет как помер, чего ты болтаешь? Приснился он тебе, что ли?

– Да не умер он! Живой и здоровый, и неплохо выглядит, между прочим! Бизнесмен. У него в Торговом Центре свой магазин одежды, дорогой очень. Из Европы одежда. Сейчас, подожди, сейчас сама увидишь! Посылаю тебе кое-что... Отключаюсь...

Мирза Халил дал отбой и стал перебирать иконки на экране телефона в поисках нужной. Наконец ему удалось найти папку с фотографиями, выбрав самую последнюю, снятую вчера в турецком кафе, он отправил ее сестре.

Она перезвонила почти сразу.

– Ничего не понимаю, мне мать его сказала, что он в психушке умер. От инфаркта, кажется. Где-то лет десять назад я случайно на нее наткнулась в городе. Она сказала, что болеет, гипертония, я пожалела ее, сказала, чтобы зашла ко мне в больницу на обследование, тогда я еще в пятой работала... Как же это получается, что его выпустили? Он же людоед!

– Кончай, Сара, какой он людоед? Ну, откусил он нос этому своему начальнику, разозлился человек, состояние аффекта, мало ли, что бывает...

– Какое состояние аффекта? Что ты несешь, Мирза? Совсем из ума выжил, честное слово! – взвизгнула Сара. – Он же не просто ему нос откусил, он его еще и при этом сожрал! Весь нос! Целиком!... Фу! Гадость какая! Как подумаю об этом...

– Сара...

– Что – Сара? О чем ты говоришь? Он зашел в кабинет, закрыл за собой дверь, напал на этого бедолагу и откусил ему нос. И пока этот несчастный криком кричал и на полу корчился, этот урод сидел в кресле и пережевывал его нос! Просто кино какое-то! Ты забыл? Рассказывали, что когда дверь сломали, он совершенно спокойно сидел в кресле – весь в крови – и курил!.. Подожди, подожди! – вдруг осенило ее. – Ты что это, получается, с ним пьянствовал вчера?

– Кончай, Сара, просто посидели, вспомнил двор наш...

– Какое «посидели», – прошипела сестра, – я же не слепая, сам же фото прислал: бутылки на столе, закуска, молодец! Я что, не вижу? Я только теперь начинаю понимать, что покойная жена твоя, хотя и небольшого ума была женщина, уж извини, конечно, в одном была совершенно права – за тобой глаз да глаз нужен, как...

– Не говори глупости! – возмутился наконец Мирза Халил. Чувствуя себя неловко за глупейшие посиделки с людоедом, да еще и оттого, что большая часть

вечера самым загадочным образом выветрилась у него из памяти, он позволил ей в этот раз ворчать и причитать дольше обычного.

– ... я надеюсь, ты адреса своего не давал? Не показывал, где живешь? Ума хоть на это хватило?

В этом Мирза Халил как раз и не был уверен. Перед глазами как будто бы возник образ доктора Игбала, снимающего с себя кожаную куртку в прихожей, возник и тотчас исчез, и опять – полный провал, как будто бы намеренно стерли запись. «Кавинтон, что ли, попить?» – с тоской подумал Мирза Халил: не меньше, чем онкологии и диабета, он боялся склероза.

– Все! – рявкнул он в трубку. – Иду одеваться! Скоро они уже подъедут. Вернусь – поговорим. И не звони мне туда без конца...

– Подожди! Подожди! И что, этот придурок успел кому-нибудь испоганить жизнь? Женился хоть?

– Да нет у него никого, только кот...

Заехать должны были к восьми. Однако позвонили только без четверти девять. Все это время расстроенный Мирза Халил ходил из комнаты в комнату при полном параде, проклиная опаздывающих академиков, а заодно и невестку с тестем, затеявшими справлять день рождения внука черт знает где, аж за триста километров от города. Из-за надетых под джинсы подштанников он успел порядком вспотеть.

Уже перед выходом, натягивая на ноги новые китайские полуботинки, он подумал, что, пожалуй, все-таки не прогадал, выложив за них семьдесят два маната.

2

Академиков оказалось двое. Первый, сидевший рядом с водителем, был одет не по-походному, в добротный твидовый пиджак с жилетом, да еще с концертной бабочкой впридачу. Второй – тот, что за рулем, из-за пружинистых, густо лезущих из-под кепки седых кудряшек был похож на пуделя.

– Али-муаллим, академик, – представился он, протянув Мирзе Халилу влажную ладонь, – член Комитета по охране нематериального наследия. Я и Вели-муаллим защищаем нашу кулинарию.

Под накрапывающим дождем они медленно выехали со двора на бывшую улицу Левандовского, свернули налево и покатали вниз к проспекту мимо сгрудившихся вдоль дороги унылых башен-новостроек. Движение было плотным, и, разумеется, они попали в час пик. Тот, что был одет в твид и все время молчал, достал из кармана пачку сигарет. В салоне было сильно натоплено. Пахло карамелью, прелой одеждой и сероводородом. Пытаясь пристроить под сиденье крошечной азиатской машины свои ноги в полуботинках сорок третьего размера (на размер больше, чтобы надевать с теплыми носками), Мирза Халил вспотел.

– Вы, я извиняюсь, тоже в первый раз, или уже видели гробницу? – спросил похожий на пуделя, пытаясь поймать взгляд Мирзы Халила в зеркале.

Озадаченный Мирза Халил прекратил возиться:

– Гробницу?..

– Ну, захоронение!

– А, нет! Не видел.

– Так интересно! Знаете, с того момента, как ее нашли, наши только об этом и говорят. Это, наверное...

Академик в твиде, встревоженно пыхнув теплым паром, указал сигаретой на загоревшийся зеленый. Машины уже рванули с места, с энтузиазмом преследуя прохожих, не успевших перебежать пешеходную зебру.

– Вижу, вижу!

Из-за запоздалого старта им начали сигналить.

– Ну что за люди, а? Как бешеные! Вот мы два месяца назад с Вели-муаллимом в Париж летали, на заседание ЮНЕСКО – совсем другое дело, скажу вам. Во-первых... Ну включи подворотник, да, ишак! Ты смотри, что делает!.. – академик рванул руль вправо, сходу вписался в поворот, едва не мазнув при этом крыло соседней машины.

– А вы, я так понял, родственник Шербета Мамедовича?

– Есть такая вещь, – неохотно, через паузу, согласился Мирза Халил.

– Я говорю, считай, человек уже в историю попал. Разве не так? Как Шлиман, например! – обернувшись к Мирзе Халилу, он пояснил: – Шлиман, который Трою раскопал.

Мирза Халил не ответил.

– Масштаб здесь может быть чуть поменьше, но находка-то все равно – великая! И потом, это же только начало. Там только копай и копай!

Молчун в твиде вытряхнул из пузырька на ладонь две голубые таблетки, забросил их в рот и, сосредоточенно двигая кадыком, проглотил.

– Вы не обращайте внимания, что он все время молчит. Вели-муаллиму вчера три зуба удалили, – кивнул в его сторону кудрявый в кепке. – Десну резали. Сколько тебе швов наложили?

Молчун показал на пальцах.

– Восемь! Не шутка. Э, нет ничего хуже зубной и почечной боли... Слушай, ну покажи монографию!

Молчаливый достал из стоявшей перед ним на полу сумки тоненькую брошюрку в веселом васильковом переплете.

– Посмотрите! – сказал кудрявый. – Это Вели-муаллима работа. Только-только вышла. Еще, как говорится, теплая.

Мирза Халил нацепил на кончик носа очки.

– Так, «Гигиена древних тюрков», – прочитал он на обложке. – Монография.

– Ты подпиши, там в бардачке ручка должна быть!

Молчаливый принял обратно брошюрку и, подписав, вернул Мирзе Халилу.

– «На память, от автора». Спасибо.

– Вы почитайте обязательно, очень интересно! Там мое предисловие...

Мирза Халил не любил и не читал «научпопа». По правде говоря, за последние тридцать с лишним лет он вообще ничего не читал, кроме детективов, полагая, что среди всех прочих литературных жанров только детективы способны помочь современному человечеству избавиться, по выражению Вольтера, от трех зол: моральной амбивалентности, скуки и дурных намерений.

– Вы же, вроде бы, по кулинарии, как я понял? – сказал он, пряча монографию в карман пальто.

– Да нет, это я кулинарией занимаюсь. Защищаю нашу еду. Соседям, прости господи, только возможность дай – завтра и без долмы, и без плова останемся! Чтоб я умер на этом месте! Хорошо, хоть долму отбили! А чего нам это стоило! Вспоминать не хочется! Зато сейчас с полным правом можем ею наслаждаться. Короче, работаем!

А Вели-муаллим занимается вопросами, так сказать, нематериального наследия в области гигиены. Тема совсем новая. Много чего... Жалко, он сейчас говорить не может – столько бы интересного вам рассказал. Ну, вы почитайте монографию, сами увидите... Тьфу, и здесь, кажется, пробка!

Пока выбирались из города, редкий дождь сменился мокрым снегом. Он летел косо, крупными хлопьями, но таял, еще не коснувшись мокрых улиц. Уже за Баладжарами Мирзу Халила сморил сон, он уронил голову на грудь и перестал отвечать на вопросы академика, но тот, нисколько не смущаясь этим обстоятельством, все продолжал рассказывать о перипетиях эпической борьбы за нематериальное наследие нации. И его чуть экзальтированный голос прорывался сквозь навалившуюся дрему, мешаясь со снами Мирзы Халила.

Ехать до гор было еще часа два с половиной.

...Снилось ему, что выходит он босыми ногами на горячую от солнца керамическую плитку, которой был выложен пол на балконе старой квартиры, в центре, на Молоканке, где жил он с родителями и сестрой Сарой, а потом с покойной женой своей. Полдень. Лето. Из зашторенного полумрака квартиры он вступил в звенящий августовский зной, отчего по спине его побежали мурашки. Лениво и сонно приваливается Мирза Халил к балконным перилам, смотрит вниз, где у кучи просеянного песка неподвижно стоит желтый экскаватор «Като».

«Мурадов, – говорит Мирза Халил во сне, не оборачиваясь, – мне тут рассказали интересную байку про песок. Ты любишь такие вещи».

«Про песок?» – лениво спрашивает его доктор Мурадов, бывший его зять, некогда коротко женатый на Саре. Несмотря на сложную семейную историю, Мирза Халил почти дружит с Мурадовым даже после их развода.

«Мне Игбал рассказал. Ты его не знаешь – раньше соседями были». – Во сне Мирза Халил с удовлетворением отметил полнейшую логичность своего ответа: Мурадов и Игбал действительно не были знакомы.

«Ну и?»

«Значит, представь себе целую кучу песка...» – Он еще раз посмотрел вниз, где неподвижно стоял «Като», после чего откинул штору и встал в дверном проеме, при выкая к сумраку гостиной комнаты.

«Ну, представил». – Мурадова не было видно.

«А теперь представь, что забираешь из этой кучи по одной песчинке: одна, вторая, третья, и так далее. Теперь вопрос: когда весь этот песок, наконец, перестанет называться «кучей»? Понимаешь?»

«Так это же не байка, Мирза, – это называется парадокс Сорита». – Голос Мурадова доносился откуда-то из глубины квартиры.

«Сорита? А мне сказали, фольклор... Ладно, без разницы, ты лучше скажи, если такой умный – как это решается? Игбал сказал чего-то, но из головы вылетело».

«Не знаю, какой вариант он предложил, тут может быть по-разному. Есть сложные варианты. Самый простой: договориться о том, сколько точно песчинок будет считаться «кучей». Понимаешь? Например, договариваемся, что ровно тысяча песчинок – есть «куча». Значит меньше уже не «куча», понятно?»

«Ну и к чему все это, Мурадов?»

«Это о неопределенности. О том, что даже слова, которыми мы пользуемся – обычные слова, типа той же «кучи», имеют лишь приблизительный смысл. «Куча» песка – сколько это именно? Как измерить? В этом смысле, Мирза, когда говорим про

кого-то, что он человек хороший или, наоборот, сволочь, оказываемся в такой же ситуации. Что значит «сволочь»? Короче, сначала надо договариваться о терминах. А это дело непростое. Во всяком случае, за все это время нам так и не удалось этого сделать».

«И что, Мурадов, получается полная задница?»

«Еще какая!» – сказал он таинственно, выступив буквально на мгновение из душной темноты.

На этом Мирза Халил проснулся. Теперь вдобавок к затылку ныла еще и затекшая шея. Болезненно щурясь, он глянул в окно: они медленно поднимались вверх по перевалу. Внизу, за кромкой дороги, сквозь зыбкий туман виднелись шиферные крыши, прореженные косыми столбами электропередач и мокрыми тополями, напоминающими оплывающие свечи. Похожий на пуделя подмигнул Мирзе Халилу в зеркале:

– Все дорогу почти проспали.

Молчаливый обернулся и, едва открывая рот, прошамкал:

– Сок хотите? Черешневый? (У него вышло «чевешниковый»).

Мирза Халил распрямился и сел. Шея действительно сильно затекла. Молчаливый протянул ему бутылку и пластиковый стакан.

Пока он запивал таблетки «Гликлазид» (2шт), «Сенна-Д» (2шт), «Кавентон» (1шт), «Фурасемид» (1шт), и так далее, они прошли перевал и встали на развилке. Академик, не замолкая ни на секунду, сверял маршрут с телефонным навигатором. Потирая затылок, Мирза Халил с сомнением разглядывал убранный к зиме поле по правую руку, укутанные мокрым брезентом стога и проступающую из тумана окраину деревни, безлюдную и темную, если не считать почти неподвижных струек дыма над покатыми крышами.

Наконец они снова поехали: сразу у знака «д. Сюрмяли – 2км» свернули на новенькое шоссе, резво убегающее рекламным серпантинном куда-то на северо-запад вдоль кромки неподвижного леса. Мирза Халил чихнул и тотчас почувствовал, как закололо у него в промежности: тягучая боль стала расходиться по всему низу живота. Он попытался как-нибудь сменить позу, но двигаться на заднем сидении было особенно некуда, а тем временем позывы к мочеиспусканию стали лишь еще более болезненными и настойчивыми. Согласно кудрявому академику, до гостиницы Шербета Мамедовича ехать было еще никак не меньше тридцати километров. Нужно было останавливаться.

Выбравшись из машины, Мирза Халил вдохнул морозного воздуха. Было непривычно тихо. Не разминаясь, он заковылял на отсиженной ноге к обочине, к оцепеневшим голым кустам, начинающимся сразу за неглубоким кюветом. Осторожно спустившись вниз, он выбрал куст и, то и дело оглядываясь по сторонам, стал с нетерпением возиться с ширинкой. Дело это было непростое. Помимо джинсов, нужно было еще разобраться с теплыми подштанниками. Наконец ему все удалось: он зажмурился от удовольствия и, нарушая почти девственную тишину осеннего леса, ударил шипящей струей в подножье перепутанного шиповника. Он еще не закончил, когда вдруг заметил метрах в трех или четырех от того места, где стоял, что-то похожее на докторский саквояж, при этом явно присыпанный от посторонних глаз листвой и мелкими сучьями. Примерившись, Мирза Халил сообразил, что с дороги саквояжа не должно было быть видно. Для того, чтобы его обнаружить, следовало, как минимум, спуститься в кювет.

– Ага! – сказал он вслух, застегивая ширинку, а затем стал в нерешительности топтаться на месте, издали разглядывая странную находку. От холода свербило в носу, и, несмотря на теплые подштанники, его уже начала пробивать мелкая дрожь. Наконец, махнув рукой, он стал с трудом выбираться из кювета, подъем из которого был вполне пологий, однако мокрая жирная земля скользила и комьями липла к его новеньким полуботинкам. Наверху ему пришлось долго шаркать подошвами по асфальту, счищая грязь.

– Холодно? – спросил его академик за рулем, когда он открыл заднюю дверь.
– Ну что, поехали?

Мирза Халил собирался было уже сесть в машину, но вдруг остановился:

– Слушай... – сказал он. – Я сейчас!

Он ринулся обратно в кювет.

– Что-нибудь случилось?.. – крикнул ему вдогонку удивленный академик.

Саквояж был добротный, тёмно-коричневой кожи, застегнутый на два ремешка. По виду – вполне новый и явно дорогой. Мирза Халил подошел ближе, осторожно ткнул в него ногой: внутри что-то зашевелилось, задергалось, раздался визгливый детский плач. От неожиданности он отпрянул назад, не удержал равновесия и больно сел со всего маху на склон кювета. В саквояже продолжали надрывно плакать. Вскочив, Мирза Халил стал раскидывать сучья, присел на одно колено и принялся отстегивать негнушными пальцами ремешки. Когда, наконец, ему удалось это сделать, из темной пасти саквояжа, сверкая бешеными глазами, выпрыгнул черный кот. Матюгаясь, Мирза Халил упал на свой зад во второй раз. Кот же метнулся куда-то к кустам и быстро пропал из виду.

– Эй?..

Мирза Халил поднял голову. Над кюветом стоял молчаливый академик с дымящейся сигаретой:

– Что случилось? – прошамкал он с интересом.

– Да, б...дь, кот в мешке!

3

– Где ж ты так измазался?.. Просто кошмарный вид! – плохо маскируя свое возмущение, сын суетливо обмахивал щеткой низ его брюк. – Ты обязательно должен был...

– Я же тебе объясняю, это все из-за кота...

В громадном зеркале во всю стену фойе крупное лицо Мирзы Халила выглядело уставшим и чуть желтоватым. Он с опаской потрогал указательным пальцем мешки под глазами: «Видимо, все-таки печень».

– Ну как же так? Просто хочу понять...

Из внутренней комнаты ресепшена вышел молодой человек вполне брутальной наружности, в темно-синем костюме, казалось, готовом вот-вот разойтись по швам на его борцовских плечах. На лацкан пиджака была приколотта бронзовая табличка, на которой залихватской прописью было выведено: «Менеджер». Бритая наголо голова менеджера напоминала старую боксерскую перчатку. При появлении управляющего сын Мирзы Халила замолчал.

– Вот, это ваш, а это ваш. Значит, номера десять и одиннадцать. Это на втором этаже, – пояснил менеджер, передавая академиком электронные ключи от комнат. –

Это прямо по коридору, лифт еще не пустили. Кстати, телефона и кабеля пока тоже нет. Из-за интернета. Должны были на прошлой неделе подключить. Но пока все остановили. Сами понимаете...

– А насчет...

– Все остальное работает, как надо. Как часы! – Словно парируя удар, мотнул боксерской головой управляющий. – Душ, отопление, теплые полы, камин – в каждом номере индивидуальный климат-контроль. Я сам все проверял. Сименс. Сейчас все покажу.

– А в каком номере я буду жить? – спросил сына Мирза Халил.

– Не беспокойся, папа, на улице тебя не оставим. Ты рядом с нами.

– Вы отдыхайте, умывайтесь с дороги, – бурчал управляющий, провожая академиком к выходу на лестницу. – А через часик – накроем для вас стол, чтобы пообедать. Шербет Мамедович распорядился, чтобы...

– А после обеда можно будет посмотреть гробницу?

– Все организуем...

– Ну, хорошо, упал, – я понимаю, а волосы? Ты едешь на день рожденья единственного внука, тут все собрались, неужели нельзя было подстричься? – отложив щетку в сторону, он распрямился и встал рядом с отцом: худосочный, с мелкими, нервными чертами лица, он разительно отличался от лобастого и ширококостного Мирзы Халила. – Ты понимаешь, папа, – с ноткой истерики в голосе сказал он, – мы здесь и так все на нервах.

Мирза Халил кашлянул в кулак и мелко прищурился, что было явным признаком охватившего его желчного раздражения. Однако он дал себе слово не поддаваться на провокации и не омрачать встречу с сыном и внуком, которых не видел больше года.

– А чего это вы тут на нервах?

Сын вытянул тонкую шею и глянул в коридор, в который управляющий увел академиком.

– Вчера две бригады рабочих отравились. И те, кто из города, и местные, – сказал он полушепотом. – Никто на работу сегодня не вышел. Все стоит. Стройка стоит. И здесь тоже – после четвертого этажа отделка еще не везде закончилась.

– А чем отравились?

– Непонятно. Видимо, с водой было что-то, непонятно! Значит, в десять утра у рабочих перерыв, типа перекура. Ставят самовары, в каптерках пьют чай. Отсюда не видно, но там дальше вагончики с задней стороны. Рабочие в них и живут. Ну и вот, сразу после этого перекура и началось. Понос, рвота, головокружение. Ужас! Вызвали врачей. А их, рабочих, – не шутка, – 25 человек, плюс два бригадира, и шофера, и крановщики. По-моему, больше тридцати человек. Представляешь? У всех понос одновременно!

– Да уж. Представляю. А кроме тех, кто перекуривал, никто больше не заболел?

– В том-то и дело, что нет. А, с другой стороны, воду они берут в гостинице. А тут сумасшедшая система очистки и фильтрации: тройная очистка. Шербет из Германии спеца привозил для установки. Столько денег на это потратили. Из-под крана воду пить можно. Мы, конечно, не пьем, Шейлочка считает, что все равно лучше не рисковать...

При имени невестки Мирзу Халила невольно передернуло.

– Ну, раз она так считает... А чего еще строят-то? Вроде же, все построили уже.

– Не совсем. Недоделки всякие, Шербет говорил, что-то вокруг подъемника не закончили, ну, отделка, само собой, и, главное, – смотровую площадку. Сам увидишь потом, папа... Все, давай, пошли уже.

– Получается, рабочие не местные, раз в вагончиках спят?

– Потом, потом, папа! Пошли!

В сложенном из речных голышей камине, – основательно, по-крестьянски, – трещали поленья. Огонь уютно мерцал, отражаясь в темном паркете, выглядывающем из-под ковров, во всевозможном хрустале, в панорамных окнах, из которых открывался прелестный вид на всю опоясанную горами долину, и, разумеется, в белой полировке концертного рояля в углу комнаты. Как известно, Шербет Мамедович любил джаз и коллекционировал бюстики Сталина.

– Ну, – повторил Мирза Халил, – иди к дедушке, смотри, что я тебе принес!

Он с энтузиазмом похлопал ладонью по коробке с пожарной машиной. Сидевший в широком кресле с планшетом в руках головастый мальчик продолжал игнорировать его, водя пальцем по экрану.

– Рашадик, подойди к дедушке. Дедушка тебе подарок привез, – сказал сын Мирзы Халила и просительно посмотрел на супругу – миниатюрную блондинку в розовой водолазке.

– Рашадик, детка, – поглаживая выпирающий живот, она обратилась к ребенку чуть с придыханием, – оставь «айпад».

Мальчик, не поднимая глаз, нехотя отложил планшет в сторону. «Судя по животу, вот-вот родит уже», – подумал Мирза Халил, следя за тем, как, спрыгнув с кресла, внук плетется к нему навстречу.

– Ну ты что? Дедушку совсем не помнишь?

Мальчик не ответил.

Мирза Халил неловко обнял его и поцеловал в щеку.

– Мы же в прошлом году на бульвар ходили вместе. Помнишь? Смотри, какой большой уже! И сколько тебе лет исполняется?

– Файв, – сказал мальчик, утирая щеку после поцелуя.

– «Файв»?

– Папа, он там в английский садик ходит, путает слова. Рашадик, сынок, «пять», не «файв».

Мирза Халил положил на стол коробку с машиной и маленький пакет с джемпером – подарок Сары.

В этот момент дверь широко открылась и в комнату, прижимая к уху мобильный, быстрым шагом вошел Шербет Мамедович. Заметив Мирзу Халила, он махнул ему рукой и сел у окна. Следом за ним в дверях появилась миниатюрная блондинка №2 – очень похожая на первую, но как будто бы чуть постарше.

– Ой! Мирза! Слава богу! Выбрались, наконец, к нам! – всплеснула она руками и без церемоний обняла его. От нее волнительно пахло косметикой и мятной жвачкой. Она скинула с себя в свободное кресло норковый полушубок и спросила, наклонившись к мальчику:

– Рашадик, ты узнал дедушку? – после чего снова, жеманясь, обратилась к Мирзе Халилу:

– Представляете, я уже бабушка! Никак, э, не могу привыкнуть!

Под норковой шубой у нее, как и у дочери, оказалась обтягивающая водолазка, но только белого цвета. Мирзе Халилу невольно показалось, что в последнюю их

встречу грудь ее была значительно меньше и уж точно не стояла торчком, как теперь. Несколько смущенный своей неуместной наблюдательностью, он кашлянул в кулак и подвинул подарки ближе к мальчику.

– Рашадик, скажи спасибо.

– Слушай, сколько тебя можно приглашать? Хорошо, хоть сейчас приехал! Давай поздороваемся нормально...

Шербет Мамедович был среднего роста, плотный, с пушистыми усами, и ездил на «Гелендвагене». К тому же он был на двенадцать лет моложе Мирзы Халила, и с недавних пор перешел с обычных сигарет на вейп. Вот и сейчас, энергично пожимая руку свату, он весело дымил зажатым в зубах вейпом.

– Слушай, – сказал он сквозь ароматный дым, – давай, пока накрывают, я тебе все покажу? Как думаешь?

– Шербет, только недолго, Паша сказал, все готово уже.

– Ребенка одевайте, с нами пойдет! – Шербет Мамедович достал мобильный.

– Зачем Рашадика, папа? Я боюсь, когда вы на подъемнике едете! – капризно сказала первая блондинка.

– Одевайте! Рашадик большой мальчик, с дедушками поедет! Правильно, Рашадик?.. Паша! – рявкнул он в мобильный. – Спускай академиков, пойдём объект смотреть.

Идти до подъемника было недолго, с километр. Они обогнули правое крыло гостиницы под стеклянным куполом, где, как объяснил Шербет Мамедович, находится почти уже законченный аквапарк с восточными банями и тренажерным залом, и перед ними сразу же открылся очаровательный вид на альпийские холмы, отороченные у подножья плотным лесом. Вид был действительно замечательный. И даже «Т»-образные опоры канатной дороги и серые аккуратные вагончики рабочих в два ряда не могли испортить общего впечатления. Снега не было. Но трава и кусты уже были подернуты голубоватым инеем, а вершины холмов затопило холодным туманом. Мирза Халил теперь не жалел о надетых под джинсы подштанниках. Слушая Шербета Мамедовича, он, как и тогда, в кювете, с удивлением отмечал про себя какую-то удивительную непроницаемость окрестной тишины, которую невозможно было потревожить ни разговорами, ни шагами. И даже когда похожий на боксерскую перчатку менеджер, опустив рубильник на панели управления, включил подъемник, и канареечного цвета трехместные кресла, подвешенные к канатам, вздрогнув, потянулись вверх и вниз по холму, ровный гул электромотора, казалось, лишь беспомощно отскакивал от ее плотной поверхности.

– Красиво тут, – Мирза Халил отступил к обочине, на прихваченную холодом траву, и сделал селфи на фоне холмов и осеннего леса.

– Сват! Чувствуешь, какой воздух? Мертвого оживит!

– Ага.

– Рашадик, беги к дедушке! – сказал сын Мирзы Халила.

– Давайте лучше все сразу, вместе! – перекрывая гул мотора, крикнул Шербет Мамедович и, подхватив внука на руки, встал рядом с Мирзой Халилом. – Паша, снимай!

Они медленно плыли в нескольких метрах над землей вверх, следуя переходам и перепадам главного холма. Канаты скользили легко, чуть поскрипывая от напряжения, вздрагивали, пролетая опорные стойки. Чтобы не раскачивать кресло, Мирза

Халил старался не болтать ногами. С каждым пройденным метром вид становился все более завораживающим. Вот они уже почти поравнялись с новенькой красной крышей гостиницы, потом поднялись выше, и постепенно вся живописная долина, раскинувшаяся перед отрогами гор, стала раскрываться перед ними. И хотя от морозного воздуха заныли десны, Мирза Халил, пожалуй, даже не смог бы вспомнить, когда и где в последний раз чувствовал такой прилив радости.

– Сразу понятно, почему они выбрали это место! – громко сказал академик, придерживая кепку на развевающихся кудрях.

– Ага, – согласился Мирза Халил, – зимой – лыжи, летом – пикники.

– Я не про гостиницу, а про захоронение.

– И что?

– Высшая точка! – объяснил он. – Доминирует над всей равниной. Как крепость. Сами смотрите. Не сомневаюсь, что это могила или Сюбаши, или даже Ябгу!

– Чего?

– Сюбаши – это типа генерала у огузов. Главкомандующий, короче... Прямо дух захватывает! Вот увидите, скоро вся заграница об этом будет говорить. Сюрмялинское захоронение!..

Мирза Халил вытащил из кармана телефон и навел камеру на красно-желтые верхушки деревьев, над которыми они пролетали. Кадр получился удачный.

Ничего удивительного, что на экране было сообщение о четырех пропущенных звонках от Сары, пять надрывных сообщений от нее же и одно с предложением скидки от «Азерселя». Индикатор зарядки показывал 71%. Мирза Халил снова выбрал значок камеры на экране и, придав замерзшему лицу нейтральное выражение, вытянул руку с телефоном для памятного кадра, как вдруг, проходя очередной пролет, сидение под ним как будто бы вдруг споткнулось, а затем, увлекая его и академика за собой, широко качнулось вперед.

– Твою мать! – выругался он в сердцах вслед выскользнувшему из пальцев телефону, который светящимся космическим челноком пролетел между мокрыми кронами лиственниц и исчез без следа где-то у их темного подножья.

– Жалко, – посочувствовал академик, качая головой в натянутой почти до самых бровей кепке. – Самсунг?

Мирза Халил в бешенстве плюнул вниз.

4

Наконец через несколько минут они добрались до подернутой белым туманом вершины. Паша молча помог им соскочить с карусели.

Асфальтированная дорожка вывела их на уровень выше, к недостроенному зданию сплошь в строительных лесах и частично укутанному брезентом.

– Вот это, значит, будет кафе. Типа шале, – объяснял Шербет Мамедович, пыхая теплым дымом из вейпа. – Я в Швейцарии видел. Можно будет посидеть перед камином, попить чай, и вид прямо на всю долину.

Академики одобрительно закивали. Из молочного тумана навстречу им выступил неподвижный кран «Като», затем два красных погрузчика и бетономешалка. Они прошли между сложенными штабелями кирпичей и железных контейнеров. Дальше земля была сильно разворочена, стояли большие мутные лужи, уже чуть прихваченные по краям морозом. Через них были перекинута доски. На самом краю стройки,

там, где опять стоял стеной смешанный лес, увидели они запертый на замок вагончик, над которым ярко горел софит, прикрученный к столбу. Рядом кучей валялись рабочие комбинезоны.

– Видишь, Мирза, что творится? – Шербет Мамедович махнул вейпом в сторону комбинезонов. – Их сразу после чая и понесло. В штаны начали гадить! Уже второй день стоим из-за этого отравления.

– А это не заразно? Может, эпидемия какая-нибудь?

– Да нет, врачи говорят, не вирус, а химикат какой-то, типа мышьяка. В Баку на всякий случай отправили анализы, вот, ждем результатов... Слушайте, по-моему, снег пойдет.

Он поднял лицо к небу:

– Только этого еще не хватало! Рановато в этом году.

– Холодно («Ховодно»), – прошамкал молчаливый академик, натягивая на голову капюшон пуховика.

– А как сюда краны загнали? Значит, есть объездная дорога?

– Ну да, как по-другому? Почти двадцать километров. Это дорога от Сюрмяли, деревни. Деревня, кстати, большая. За последние года два застроились во все стороны. Ну, а дорога – так, название одно. Если в дождь – только на джипах или на тракторе. «Камаз» застрял летом!.. Рашадик, сынок, не замерз? Скажи папе, пусть застегнет твою куртку до конца!

Они прошли стройку и, следуя дальше по мощеной тропинке, петляющей между елями, минут через пять вышли к вершине: с просторной расчищенной площадки с почти законченной по периметру балюстрадой открывался вид на горные кряжи, прозрачно проступающие в перспективе сквозь полосы неподвижного тумана.

– Вот и пришли, – сказал Шербет Мамедович, остановившись перед огороженным переносными оградами провалом в правом ближнем углу смотровой площадки. Над провалом был установлен прожектор. Он был выключен. Из самого провала наружу сочился неоновый холодный свет.

– Значит, прямо тут стоял камень. Большой, удлиненный такой. По форме – как кукуруза или как... не при ребенке будь сказано.

– А где он сейчас? – заволновался кудрявый академик.

– Да, откровенно говоря, когда мои ребята стали его убирать, значит, два дня возились...

– Эй, кто там? – глухо раздался возглас из-под земли.

– Свои! – рявкнул Паша.

– И что с камнем?

– В порядке. Оттащили в сторону. А так, по форме точно как... не при ребенке будь сказано. Рашадик, возьми папу за руку, тут упасть можно! Спускаемся!

Следуя за Пашой, они стали спускаться по импровизированным ступенькам вниз.

– Если он по форме напоминал то, что вы имели в виду, это, значит, как...

– Линга, – подсказал молчаливый академик.

– Индийская линга. А фотографий не делали?

Следуя за Пашой, Шербет Мамедович уже наполовину исчез в провале:

– Не знаю, честно говоря. Нужно у прораба спросить. Паша, где этот Сабир гуляет?

– Не берет трубку, начальник, – глухо пробубнил менеджер из-под земли.

– Кстати, внутри – никаких фотографий! Немец предупредил, что пока не будут получены результаты всех тестов – никакой съемки, любая мелочь может повлиять на микроклимат в пещере. Так что выключайте телефоны...

Лестница вела вниз узким полукругом. Чем ниже они спускались, тем светлее становилась пещера.

– Курган! – никак не мог успокоиться кудрявый академик. – Подвального типа! Как в Большом...

– Царыне...

– «Большой Царын» – это где? Урал? – спросил Мирза Халил.

– Выше Астрахани.

Пещера оказалась довольно просторной: никак не меньше трех метров в ширину на семь или даже восемь метров в длину. Вдоль стен были вбиты подпорки для поддержки сводов, по углам стояли небольшие прожектора. В середине на полу Мирза Халил увидел грубо обтесанную каменную плиту, на которой был выбит потемневший от времени рисунок летящей сквозь кольцо стрелы. Стоя, их приветствовал борцовского вида малый в спортивном костюме. Переминаясь с ноги на ногу, он почти заслонял собой пластиковый стол, на котором, помимо термоса, был в тарелке борщ и лежал надкусанный высокий бутерброд, судя по запаху, с котлетами.

– Что это такое? – прошипел Шербет Мамедович, сверкая белками глаз на понурившегося малого. – Ты что, ненормальный? Я же предупредил всех – никакой еды здесь! Вам же, баранам, еще на прошлой неделе объяснили – здесь не жрать! Не курить! Па-ша! Кто это такой?

– Новенький.

– Убери его вместе с борщом отсюда! Немедленно!

– Вали наверх, давай! Жди там.

Мирза Халил выковырнул носком полуботинка втоптаный в землю окурочек.

– Ты посмотри, а! Он еще и курил здесь, бессовестный! Клянусь могилой отца, Паша, еще раз увижу такое – ты у меня сам здесь будешь сидеть и день, и ночь! Понял? И вообще, почему он один тут сидит? Они же должны по двое сидеть. Тут достояние нации, понимаешь или нет? Что вы за люди!?

– Больше, не повторится, начальник, – хмуро сказал менеджер, злобно глядя в спину проштрафившемуся малому, который, зажав подмышкой кулек с бутербродом и термосом, враскачку поднимался с тарелкой борща наверх.

– Шербет Мамедович, извиняюсь, – встрял кудрявый академик, – а в этой камере ничего не было? Это называется верхняя погребальная камера. Это типа прихожей...

– Да нет. Вроде, ничего.

– А не могли что-то украсть?

Шербет Мамедович задумался.

– Вряд ли. Считаю, при мне все раскопали...

Присев на корточки, Паша обхватил плиту и стал медленно сдвигать ее в сторону. Лицо его покраснело от напряжения, на лбу взбухла пульсирующая вена.

Наконец ему удалось сдвинуть плиту больше, чем наполовину, из приоткрывшегося темного полумесяца остро потянуло холодом, однако, к удивлению Мирзы Халила, гнилостного запаха не было. Наоборот, из темного провала тянуло здоровым запахом земли.

– Еще, начальник? – спросил менеджер.

– Достаточно. Организуй свет, Паша. – Шербет Мамедович повернулся к гостям и, придав лицу торжественность, сказал без тени иронии: – Вот, мои дорогие, на дне этого колодца – живая история, если так можно сказать! Это наши с вами предки лежат там, и сейчас вы их увидите! Кочевники, воины прибыли сюда на своих скакунах из великой степи, и мы всегда должны помнить, чьи мы потомки! Профессор Шпенглер из университета Гумбольдта, ведущий в мире спец по мумиям, будет здесь на следующей неделе, чтобы сделать анализ воздуха и почвы. Он написал мне, что Сюрмялинское захоронение – сенсация мирового масштаба. Что второй такой находки на сегодняшний момент просто нет... Рашадик, иди ко мне, сынок. Сейчас тебе дедушка кое-что покажет!

Дыра в полу была довольно узкая, не больше метра в диаметре. Предварительно выключив, Паша подтащил к краю один из прожекторов, затем стал прилаживать что-то вроде козырька к плафону.

– Нельзя направленным светом, – объяснил Шербет Мамедович.

– Да! Да! Да! – возбудился вдруг кудрявый академик, а молчаливый энергично закивал головой.

– Немец вообще не рекомендовал открывать лишний раз...

Паша включил прожектор. Слойми проникая в холодную темноту, словно в воду на дне колодца, рассеянный свет выхватил очертания двух тел, укрытых до груди медвежьей шкурой. Паша чуть наклонил прожектор вниз, и они невольно ахнули, увидев лицо мужчины. Лицо было бледное, бескровное, с налетом голубизны, будто замерзшее, но совершенно без каких-либо видимых следов разложения, как если бы его опустили в могилу только день или два назад. Черты его не были искажены гримасой. Они были спокойны, суровы, высокие скулы степняка еще более подчеркивали впавшие щеки, поросшие ровным седым волосом. Помимо бороды, седыми были и редкие усы, и кустистые брови воина, но, судя по чертам лица, на момент смерти было ему не более сорока. Лица женщины, к сожалению, не было видно: оно было спрятано под подобием вуали, которая при более внимательном рассмотрении оказалась мелкой и, судя по отсутствию следов ржавчины или окисления, золотой сеткой. Паша наклонил прожектор еще немного: стал лучше виден остроконечный шлем на голове мужчины и подобие тиары на голове женщины, к которой и была прикреплена сетка-вуаль. Они лежали на возвышении, на платформе, вытянув руки по бокам. Руки были такие же бескровные, синюшные, с отросшими ногтями. На пальцы женщины были нанизаны перстни.

– Ай, Аллах, – прошептал молитвенно кудрявый, – настоящее чудо!

– Совсем молодые! – сказал сын Мирзы Халила. – Вроде бы седой, но видно, что нестарый.

– Степняк!

– Как живые! Как живые! Жалко, лица ее не видно! Сюрмялинская принцесса! Да тут на десять диссертаций материала!

– Нобелевка, – криворото согласился молчаливый

– Гарантировано! Кажется, вот сейчас глаза откроют!

– Правильно говоришь, Али-муаллим, действительно, Сюрмялинская принцесса! В который раз смотрю, не могу налюбоваться! Действительно чудо...

«Интересно, как она выглядит на самом деле, может, сгнила совсем?» – подумал Мирза Халил.

– Эта несчастная деревня Сюрмяли уже вошла в историю!

– Они зомби? – прошептал мальчик.
– Ну, совсем ребенку мозги заморочили этими фильмами! Сынок, какие же это зомби – это наши предки, пра-пра-прабушка и пра-пра-прадедушка...
– А что там еще? Вижу лук с колчаном...
– Ага, вон, дальше – лошадиная сбруя.
– Вижу, вижу!
– Вон еще кувшин.
– В огузских захоронениях еще часто находят лошадиные скелеты.
– Не знаю. Вот прилетит Шпенглер с помощником, будете вместе с ним работать.

Когда они поднялись наверх, снег, похожий на мелкие шарики пенопласта, уже белил будущую смотровую площадку и верхушки кривых елей. Малый из подземелья ждал их, сидя на корточках. При их появлении из провала он спортивно вскочил на ноги и, затоптав сигарету, встал виновато, шмыгая носом и держа руки на причинном месте, как футболист во время штрафного.

Академики захотели посмотреть на камень. Вся компания, за исключением Паши, оставшегося отчитывать охранника, последовала за Шербетом Мамедовичем к краю площадки, где перед невысоким вязом стоял нарядный маленький погрузчик с измазанными в грязи вилками. Камень лежал в стороне: метра полтора в длину, массивный, и действительно очень фаллический по форме. Академики стали активно фотографировать его на телефоны.

– Папа, – окликнул его сын. – Тебя Сара...
– Что? – не сразу сообразил Мирза Халил.
– Тетка с тобой хочет поговорить.
Мирза Халил взял у него телефон.
– Мирза, я звоню целый день, как ненормальная! Совести не хватает написать, что доехал? Я же... Только не говори, что не слышал!

Связь прерывалась.

– Сара... Сара... – беспомощно повторял Мирза Халил, тщетно пытаясь объяснить. Сара, как всегда, не слушала. Прикрыв ухо рукой для лучшей слышимости, он смущенно отошел на несколько шагов в сторону, подальше от академиков и Шербета Мамедовича. – Да послушай же...

И тут он увидел канистры. Вначале, конечно, он решил, что это еще один загадочный кот в мешке, и опешил: так же, как утренняя находка, канистры были прикрыты ветками плюс еще каким-то строительным мусором. Они были скрыты от дороги и площадки стеной кустов и деревьев, но с того места, где оказался Мирза Халил, были видны хорошо. Уже не обращая внимания на Сару, он подошел ближе и, внимательно всмотревшись, сразу же заметил неприметный кусок красной тряпицы, как бы ненароком прицепившейся к перепутанному шиповнику. Ошибки быть не могло.

Канистр было четыре. И все четыре были полные. Канистры были связаны друг с другом капроновой веревкой. Мирза Халил проверил все четыре. Бензин.

– Мирза?.. Мирза?.. Ты где? Ты меня слышишь вообще?.. – надрылась Сара в трубке

– Ну вот! – ответил он, наконец, сестре. – Чутье! В мешке-то – действительно кот! Да еще какой!

Канатная дорога несла их вниз, к сверкающим сквозь медленно падающий снег огням гостиницы. И опять напряженно гудели канаты, и опять их цветные сиденья деликатно подпрыгивали, проходя опорные стойки, и опять, несмотря на обжигающий лицо морозец (а может, и благодаря ему!), вид на потемневшую долину заставлял сердце Мирзы Халила биться чуть быстрее. На этот раз он возвращался с Шербетом Мамедовичем, следом за ними был сын Мирзы Халила с внуком, а затем – академики.

– Может, не стоило сейчас прогонять этого балбеса с борщом?

Шербет Мамедович подышал на замерзшие руки и задумчиво посмотрел на Мирзу Халила:

– Вообще-то, если что, Паша и один справится. Человек на борцовском чемпионате выступал, «ЮЭФС»...

– А вдруг их там целая орава? Мы же не знаем, что и как? Ты же сам говорил – местные...

– Суки они! – воскликнул в сердцах Шербет Мамедович и смачно плюнул вниз. – Бездельники! Только и знают, что деньги тянуть. А работают через задницу. Потому и в говне живут. То у них свадьбы, то у них похороны, то еще что-нибудь, а теперь еще и понос!

Он достал из кармана вейп:

– Ты, кажется, не куришь? Правильно делаешь, между прочим. Но это, говорят, безопаснее сигарет. Хочешь попробовать?

Мирза Халил, бросивший курить несколько лет назад, не слишком решительно отказался.

– Значит, ты уверен, что кто-то из местных канистры припрятал?..

Согласно рассказу Шербета Мамедовича, с самого начала все шло более-менее предсказуемо. Стройка двигалась. Местные из Сюрмяли выстраивались в очередь, нанимаясь строителями, разнорабочими, шоферами. К Шербету Мамедовичу звонили и шли просители. В поисках работы приезжали даже из ближайшего городка, находившегося почти в 70 километрах от стройки. Однако все равно к началу отделочных работ сантехников и толковых электриков пришлось везти из Баку. Стройку вчерне закончили еще осенью прошлого года. С весны обустроивали будущую трассу, ставили подъемник. Когда в середине августа стали расчищать участок на вершине под смотровую площадку и наткнулись на захоронение, начался ажиотаж: местные радовались тому, что «турист теперь пойдет косяком», что будет много работы, что жилье и земля поднимутся в цене.

– Говорю тебе, даже пахать стали лучше! Правда, все пытались залезть туда, в пещеру, любопытно же поглядеть, но я сразу все это пресек: охрану поставил, даже ментов из райцентра привезли на пару недель, для солидности, но от них пользы, сам знаешь... А сейчас Паша за всем этим делом приглядывает. Он, знаешь, не только парень крепкий, но еще и не дурак. Составил график дежурств, набрал людей.

— Значит, думаешь, что-то случилось две недели назад?

– Да, приблизительно. Все вдруг пошло как-то не так. Я такие вещи сразу чувствую. Не первый объект строю...

– Ты имеешь в виду отравление?

– Да нет, еще до отравления. Как тебе сказать, настроение как будто бы поменялось. То они все нарадоваться не могли, полный энтузиазм, типа, сейчас зажи-

вем, а тут вдруг на работу перестали выходить, то болеют, то еще что-то. Собственно говоря, они и не нужны уже так, на отделке у меня свои бригады из города, но все равно. Работы еще всякой хватает. Да, вот еще – техника вдруг начала безостановочно ломаться! Новые почти погрузчики, краны – непонятно! У одного полутонника песок оказался в смазке. Спрашивается, каким образом? Ну, явный саботаж! Паша Сабира к стенке припер, – Сабир это прораб наш, – тот говорит, слышал краем уха, кто-то жаловался, что зря мертвецов потревожили, что их обратно закопать надо, от греха подальше. Спрашивается, а чего раньше не возникали? Наоборот, радовались! Чего спохватились?

– Может, их кто-то накручивает? Какой-нибудь салафит? Развелось их...

– Это точно. Я вначале тоже так подумал. Но у них здесь с этим строго. В смысле, под контролем. Место маленькое, все друг друга знают. И потом, имам здешний – отличный парень. Свой, в общем. Молодой, пробивной, хваткий. Мы, кстати, помогали ему мечеть достраивать. Старая – одно название было. Материалом помогали, техникой. Облицовку сделали. Короче, в турецком стиле, как сейчас строят. Отсюда не видно, а с дороги, когда подъезжаешь к нам сюда – километра два или три от порога направо стоит.

Мирза Халил поехал и поднял воротник пальто. Снег как будто бы не падал вовсе, а висел неплотной пеленой над застывшей долиной. Давно прошло обеденное время. Он заметно проголодался.

– Мороз...

– Рановато в этом году, конечно, – сказал Шербет Мамедович, перекатывая во рту ароматный дым. Обернувшись назад, он помахал внуку. – Закутайся, закутайся, сынок!.. Слушай, как же он все-таки на меня похож! Особенно когда улыбается! Что значит – генетика сильная!

Мирза Халил похлопал друг о дружку ногами в полуботинках.

– Ты уж не обижайся, Мирза! Но в самом деле похож... – спохватился Шербет Мамедович и полез в карман за телефоном. – Давай я тебе имама покажу. Вот... Значит, парню еще тридцати нет, а уже на Хадже был. Верующий парень. Такой... идейный, как говорится. Борода лопатой, но еще и спортсмен! Лыжник! Представляешь? Любит парень лыжи. Мы с ним еще и на охоту пару раз выбирались – стреляет отлично! На уток ходили. А летом имам на мотоцикле гоняет! И не какой-то там «Днепр» зачуханный, а очень приличная «Honda». Смотри! Вот это его инстаграм.

Мирза Халил прищурился:

– На чеченца похож. На Кадырова.

– Ага, похож! Только этот веселее!

На фотографии коренастый рыжебородый парень в ярко-желтом комбинезоне, улыбаясь, позировал со сноубордом в руках. В натянутых на шлем лыжных очках отражался еще незаконченный фасад гостиницы с подъемным краном. На другом фото он был уже в крутой кожаной куртке с надписью «Harley», на мотоцикле. Дальше было много разного камуфляжа, с оружием, во время игры в футбол, на фоне мечети.

– Откуда такой взялся?

– Отец у него – приличный мужик, как говорится, старой закалки. При Кямране Мамедовиче был секретарем райкома. Сейчас, бедняга, болеет. Сахар, еще что-то... Но тоже веселый. Сынок, видишь, своеобразный получился. Две жены, между прочим, содержит, все как положено. И от каждой по сыну, – хохотнул Шербет Мамедович. – Неофициально, конечно.

Обедали обильно и вкусно. Сидели в будущем ресторане гостиницы с видом на холмы и лес. Обшитые деревом стены были щедро увешаны охотничьими трофеями вперемежку со старинными ружьями и примитивными снегоступами, напоминающими теннисные ракетки. Над добротными столами с проступающей сквозь темный лак древесной текстурой горели ветвистые люстры, искусно составленные из настоящих оленьих пантов. В камине, таком же, как в офисе Шербета Мамедовича, жарко трещал огонь.

Поддавшись на уговоры, Мирза Халил все-таки выпил за обедом три рюмки водки и теперь, вытянув ноги, сидел с повеселевшими академиками перед камином. Из всех сил борясь с дремотой, он слушал рассказ сына про экзотическую жизнь в Малайзии. Сын служил в Куала Лумпуре при посольстве. Судя по всему, Малайзия эта была местом любопытным, однако явное неумение его отпрыска рассказывать интересно, не останавливаясь детально на банальных подробностях, производило весьма удручающее впечатление. Украдкой разглядывая мелкие черты его лица, его тощую шею с выдающимся кадыком, его нервные пальцы, Мирза Халил безуспешно пытался возбудить в себе хоть какое-то теплое чувство к нему, как минимум, назло прозорливой Саре, всю жизнь считавшей его глубоко равнодушным и холодным человеком.

Когда сын добрался до долгого описания какого-то буддистского храма, его с порога окликнула супруга. На ней была длиннополая дубленка с капюшоном, на руках – перчатки. Поправляя очки, сын поднялся с места:

– Разве не холодно? – спросил он осторожно, кивая в сторону панорамных окон, за которыми уже крупными хлопьями падал снег.

– Доктор сказал – каждый день минимум час. Помнишь?

– Я просто говорю, вдруг заболеешь... – Он встал и, с шумом отодвигая массивное кресло, пояснил, глядя куда-то в сторону:

– Ей надо на воздух каждый день, из-за гипоксии.

– Извиняюсь, у моей супруги тоже гипоксия была. – Встрял кудрявый академик.

– Рашадик тоже идет?

– Нет, ему сегодня уже хватит. Он с мамой и Гюлей. Я дала ему айпад, пусть поиграет немного.

– А папа где?

Мирза Халил невольно поморщился.

– Он у себя, на телефоне.

Они ушли. Мирза Халил остался с академиками перед полыхающим камином. Откуда-то появилась бутылка коньяка. Молчаливый, не спрашивая, разлил коньяк по рюмкам. От коньяка повеяло каким-то позабытым комфортом, молодостью, давно утраченным в суматохе последних лет стилем. Они чокнулись и выпили, не закусывая.

Кудрявый вернулся к главной теме дня – к загадочно сохранившимся в погребальной камере покойникам, которых он упорно именовал «Сюрмялинским повелителем» и «Сюрмялинской принцессой».

– ...это называется «жировоск». Если труп оказывается в месте, где почти нет воздуха и много влаги, тело как бы трансформируется, превращается в подобие воска. Или, как говорят, обмыливается. При этом иногда даже мельчайшие детали кожи сохраняются. Подробно первыми это описали французы. Фамилию сейчас не вспомню.

– Турэ, – прошамкал молчаливый.

– Точно. Но там еще был второй. На «Ф». Неважно. В нашем случае в погребальную камеру воздух, вроде, проникает. Правильно? И влажность там нормальная, воды я там не увидел.

Молчаливый с сомнением покачал головой.

– Согласен, внутрь мы не спустились. Надо замеры делать. И вообще, может, аномалия какая-нибудь.

– Шпенглера ждать надо.

– Да ради бога! У нас такие головы есть – любые американцы обзавидуются!

– Немец.

– Что немец?

– Шпенглер.

– Да какая разница? Я вообще говорю! Возьмем хоть тебя самого – ты же выдающийся ученый! – кудрявый академик повернулся за поддержкой к Мирзе Халилу. – Наш Вели-муаллим – выдающийся ученый! Говорю со всей ответственностью! Просто не ценим сами себя...

– Торфяное дубление.

– Что? Торфяное дубление?.. Нет, дорогой, Вели-муаллим, это нам тоже не подходит: где ты здесь видишь болота? Для торфяного дубления нужен торф, разве нет? В торфе эти... кислоты, которые уплотняют кожу. Дубят ее, короче говоря...

– Я читал про торфяные мумии, – ухмыльнувшись, вдруг вспомнил Мирза Халил, подставляя рюмку. Молчаливый разлил коньяк по второму кругу. – «В Науке и Жизни» статья была. Хороший был журнал, между прочим...

Он увидел в окно, как на площадку перед гостиницей вышли невестка с сыном. Пройдя до неработающего еще фонтана, они стали фотографировать друг друга на фоне побелевших от снега елей. Время было около четырех, но с холмов уже сползали холодные синие сумерки. И вдруг Мирзу Халила охватило странное беспокойство: что-то в идиллической картине того, как сын с невесткой развлекались за окном, показалось ему тревожным и неестественным. Пригубив коньяка, он передвинул кресло, чтобы происходящее было лучше видно. Вот невестка сгребает снег с края фонтана, лепит снежки и манерно, словно снимаясь на камеру, кидает ими в супруга. Он притворяется, что протестует, уворачивается. Тоже начинает лепить снежок. После каждого действия оба достают телефоны и начинают фотографировать друг друга. В камине с треском лопнуло полено, оранжевые искры утянуло в дымоход, и в это самое время Мирзу Халила вдруг осенило: они-то тут совершенно одни! Совершенно одни на всю громадную территорию! Позировать не для кого! В гостинице, не считая его самого с академиками, Шербета Мамедовича с женой, да сына с невесткой и внуком, лишь няня по имени Гюля. Да еще на вершине холма в компании нетленных покойников замерзает Паша. На виду не было ни прислуги, ни официантов, ни охраны, во всяком случае, с того момента, как они вернулись в гостиницу, никто из них не попадался ему на глаза.

– Вы слышали про него?

– Да, да! – рассеянно кивнул Мирза Халил.

– Я и говорю, да, этот Итигилов – просто феномен! Я на «ютубе» как раз передачу смотрел про него...

– Итигилов? Кто это такой?

– Лама, – пояснил молчаливый.

– Итигилов – это буддистский монах. Лама Итигилов. Неужели не слышали?

– Бурятия.

– И чего он?

– О! Так интересно! Этот Итигилов умер, кажется, в 1927-ом году. Значит, всех собрал, учеников, и так далее, сел в какую-то коробку специальную, в позу лотоса, конечно, помолился, и умер.

– Просто взял и умер?

– Ну да! Говорят, он попросил учеников, чтобы они начали читать молитву, как за покойника, а ученики все не решались, тогда он сам начал. Читал, читал и умер. В общем, его похоронили. Все, как полагается. Но самое важное, перед смертью Итигилов сказал, что он не умирает, а как бы засыпает, представляете? Сказал, что ровно через 75 лет его нужно выкопать!

– И что? Выкопали?

– Выкопали! И он как живой! Сидит. Глаза закрыты, все на месте, почти как наши там, в пещере. Не сгнил, не испортился. Говорят, он даже потеет! Как живой. Там исследовали его, потом запретили, вроде бы.

– И что, его можно видеть, этого Итигилова?

– Ну да. Он в каком-то главном храме Бурятии. На праздники приходят паломники, тысячи людей, его можно видеть. Многие считают, что лама все еще живой, просто в состоянии нирваны.

– Как медведь, – в первый раз за все время улыбнулся молчаливый.

– Почему бы и нет, Вели-муаллим? Вы посмотрите на «ютубе» передачу, очень интересно.

– А чего смотреть, у нас теперь свои Итигиловы есть.

– А я о чем? Если Итигилов каким-то образом все еще живой, может, тогда и наши принц с принцессой живые? Вот приколы будут, если их оживить!

– И что с ними потом делать? Пристроить сюда, в гостиницу, на ресепшене работать? Просто кино какое-то!

– «Волшебный халат», – подсказал молчаливый.

– Точно!

За окном, ловко маневрируя, несмотря на выдающийся живот, невестка прямой наводкой пульнула снежком в лицо супругу, и теперь он стоял, согнувшись пополам, и высмаркивал под ноги кровавую юшку. «Вот ведь, сукина дочь, что делает, – подумал с горечью Мирза Халил, – даже беременная крепче этого дурака!»

Допив коньяк, он поднялся с места и, знаками давая понять академиком, что должен отлучиться, вышел из зала ресторана.

На ресепшене никого не было, но из полуоткрытой двери офиса доносилась музыка. Воровато мелькая в зеркалах, Мирза Халил зашел за стойку и осторожно заглянул в комнату; на столе за компьютерным монитором играло портативное радио. Наскоро осмотревшись, он подошел к доске на стене, где кнопками были приколоты всякого рода распечатки, рекламные проспекты, расписания и меморандумы. «То, что надо!» – подумал он, отдирая от доски схему гостиничных этажей.

– А это что? График дежурств. «Мог». Могила, наверное? Интересно. – Недолго думая, Мирза Халил экспроприировал и график дежурств. Больше на доске ничего примечательного он не нашел и, оглядевшись еще раз на всякий случай, вышел обратно в фойе, припоминая на ходу застрявшее в голове выражение какого-то польского философа, что «карта не есть территория». Выражение всегда казалось ему

нелепым своей совершенной очевидностью, но при этом все равно заставляло задуматься. Конечно, карта не есть территория, на ней изображенная. Какой дурак станет спорить? Но, с другой стороны, как только пытаешься вообразить себе какую-нибудь местность, на ум в первую очередь приходит именно карта.

– Понятно! – сказал он вполголоса, держа перед глазами схему. Фойе утопало в долгих зимних сумерках, щедро сочившихся из высоких окон. Шелестел теплый кондиционированный воздух.

– Значит, нам нужно в это крыло и – до конца. Или... – он перевернул схему. – А так?.. Подожди, получается, что этот ведет к бассейну...

В этот момент входные стеклянные двери разъехались, и на пороге возникла припорошенная снегом невестка. При виде Мирзы Халила она показательно всхлипнула и, не говоря ни слова, придерживая живот обеими руками, рысцой проскочила мимо в коридор, ведущий к номерам. Следом появился ее супруг. Он шел нетвердо, откинув голову назад и заткнув распухшие ноздри пальцами. Правый глаз его уже основательно затек.

– Что случилось? – воскликнул Мирза Халил, делая вид, что не в курсе произошедшего.

– Папа?.. – Повернув голову, сын страдальчески поглядел на него здоровым глазом. – Ничего страшного. Снежком попала...

– Каким снежком, слушай, да у тебя все лицо разбито!

– Она же не специально, в снежке кусок льда оказался.

Ворот его куртки и джинсы был забрызганы подсыхающей кровью.

– Ничего себе, поиграли в снежки!

– Пойду, умоюсь...

– А куда она побежала?

– Переживает, – гундосо сказал сын и, пожав плечами, свернул за угол.

Проводив его взглядом, Мирза Халил неодобрительно покачал головой. Через полминуты из глубины коридора послышался взволнованный голос супруги Шербета Мамедовича, самого Шербета Мамедовича, Гюли, всхлипывания невестки, потом в унисон ей захныкал ребенок. Тем временем Мирза Халил спрятал в карман очки и двинулся в правое крыло гостиницы, где, согласно схеме, должны были находиться комната охраны, котельная, кухня и склад.

Он почти добрался до конца коридора, когда его догнал Шербет Мамедович.

– Заблудился, что ли, Мирза? Там дальше кухня. Слушай, я говорю, что за день сегодня! То одно, то другое!

– А что такое?

– Ну, ты видел, что дочь моя с твоим сыном учудили? Она сейчас там в истерике, у него глаз заплыл, лежит, ребенок плачет...

– Безобразие, – легко согласился Мирза Халил, а затем, не давая Шербету Мамедовичу перехватить инициативу, быстро спросил. – А где вообще все?

– Ты имеешь в виду персонал, что ли? Так стройка уже третий день стоит, Мирза, сам знаешь! Так что на сегодня только горничную вызвали и на кухню повариху. Но они сразу после обеда ушли, сегодня ж воскресенье. Завтра с утра придут. С охраной вот непонятно, что творится: одного я выгнал, ты сам видел, а напарник его – они обычно смену по двое дежурят – так и не явился сегодня! Паша ему двадцать раз звонил. Телефон отключен! Ну, ничего! Рано или поздно он объявится, я ему устрою! И главное, понимаешь, ключи у него! Вообще всех их разгоню! Паша

сменщикам тоже звонил, все куда-то девались! Один в городе, понимаешь, другой пьяный в ж...у! Животное! Ни на кого положиться нельзя!

– А от чего ключи?

– От каптерки. Там же холодно сейчас, наверху. Сдохнуть можно. А они чего па-рами дежурят, чтобы по очереди в каптерке греться. Там же должны и перекусывать. Немец предупредил, чтобы никаких температурных колебаний. Даже чай горячий туда заносить нельзя.

– А тебе не кажется, что это все неслучайно? Рабочие вдруг отравились, а теперь охрана вся куда-то девалась? Канистры?

Шербет Мамедович внимательно посмотрел на Мирзу Халила, а затем, подумав, отмахнулся:

– Ерунда это все. Просто совпало. Я, Мирза, строитель. Еще не такое видел. Как-нибудь посидим, расскажу. А насчет канистр – бензин кто-то сливал, и все. Народ вороватый. Дай возможность – всю стройку до гвоздя растащат. На кой черт им эта могила? Все же нормально было. Мы могилу не первый день, как раскопали. Улавливаешь?

– Может быть, – неопределенно ответил Мирза Халил. – Но лучше подстраховаться...

– А я и подстраховался! – усмехнулся Шербет Мамедович и сверился с «Брегетом» на запястье. – Через полчаса, максимум через сорок минут полиция подъедет. И с сегодняшнего дня – все. Будут парами наверху дежурить. Заканчиваем самодеятельность. Дело государственное. Тем более, что в следующую пятницу немец с ассистентами прилетает. Так всем спокойнее будет.

-Тогда, конечно, другое дело.

– И потом, у меня там над входом камера. Прямо над входом. Паша устанавливал сам. Ее так не видно, но если кто сунется, как говорится, из-под земли достанем! Я, Мирза... – он поднес к уху заливающийся трелью мобильный. – Да, слушаю!.. Слушаю, говорю!.. Ну?.. Когда?

Продолжая говорить по телефону, Шербет Мамедович принялся нервно мерить шагами коридор. Мирза Халил тем временем незаметно свернул в трубочку схему и сунул ее себе в карман. Наконец Шербет Мамедович дал отбой.

– Вот ведь паскуды! – со злостью выругался. – Ни на кого положиться нельзя! Застряли они!

– Полицейские? – угадал Мирза Халил.

– Фура с каким-то говном на мосту перевернулась! Еще и в стойку моста въехала! Водитель – то ли живой, то ли фиг его знает! Выковыривают его оттуда. Теперь еще ждут технику, чтобы оттащить фуру. Говорят, там, внизу, в райцентре – метет по-настоящему. И обледенело все к черту! А тут, вроде, пока ничего...

– Объездной дороги нет?

– Есть. Но, по правде сказать, это так, название одно. Во-первых, крюк километров в шестьдесят, и через деревни, вдоль реки. Проселочная дорога, а сейчас еще с этим снегом! Не поедут они в объезд.

«В общем, Агата Кристи получается», – подумал Мирза Халил, а вслух сказал:

– Выход какой-нибудь есть? Придется ждать.

– Так-то оно так, только вот Паша там, наверху, душу богу отдаст, – задумчиво сказал Шербет Мамедович. – Или еще сбежит. Хотя он парень проверенный... Что за день сегодня! Голова кругом идет!

– Ну, раз такой расклад, может, я ему ключи отвезу? – осторожно предложил Мирза Халил. – Еды какой-нибудь горячей. Ты говорил, там на машине километров двадцать.

– Двадцать? Да нет, поменьше. Извини, что спрашиваю, а ты водишь вообще?

– Сорок лет стажа, – холодно ответил Мирза Халил.

– Не обижайся, Мирза. Просто не в курсе. Голову потерял совсем... Поезжай, прошу тебя. Очень выручишь. Держи. Только имей в виду, сват, – добавил он полусерьезно, – мой «кубик» у меня после семьи, бизнеса и этих покойников на горе – в жизни четвертый по значимости!

– Может, тогда не стоит рисковать?

– Бери, бери! Так мне спокойнее будет. На «кубике» всюду доедешь. Думаю, часа за полтора обернешься. Дорога, плюс покараулишь, пока Паша в каптерке поест. Ты извини, что нагружаю, но на то и родственники! Разве нет? Слушай, может, кого-нибудь из академиков с собой возьмешь? Веселее будет...

Мирза Халил быстро подумал и отмахнулся:

– Да ну их!

6

Четвертая по значимости вещь в жизни Шербета Мамедовича Мирзе Халилу сразу же не понравилась. Салон был узкий, сидеть было неудобно, хотя и высоко. Подвеска была невероятно жесткой. Однако, когда он, наконец, вывел машину на основную дорогу, которую успело уже основательно занести снегом, он оценил брутальную, но послушную мощь автомобиля. Стараясь держаться середины, Мирза Халил сидел напряженно, привыкая к езде. На поворотах из просек в запорошенном лесу начинало сильно тянуть ветром, и тогда снег начинал лететь под углом, сбивая с толку. Как и обещал Шербет Мамедович, километров через семь Мирза Халил увидел тускло мерцающие огни Сюрмяли, а затем и тот самый дорожный знак, который он проезжал с академиками утром. Теперь от развилки он свернул налево и двинулся по серпантину вокруг деревни. Как будто бы стало мести сильнее. Во всяком случае, сугробы на поворотах стали выше, и сама дорога, теперь все время идущая вверх, в свете прыгающих фар сузилась до размеров колеи. На жесткой подвеске Мирзу Халила все время трясло и подкидывало, и он невольно вспомнил те канувшие в лету времена, когда молодым следователем прокуратуры он мотался с водителем по районным центрам в почти таких же по комфорту «узиках» и «виллисах». При всем при этом автомобиль все больше нравился ему своей резвостью и силой. Легко преодолевал он заносы на особенно крутых поворотах, в которые входил небольшим юзом, веером разбрызгивая перед собой снег. Мирза Халил позволил себе чуть расслабиться. Нащупав рукой кнопку, он включил стереосистему. Разумеется, заиграло что-то очень джазовое, во вкусе Шербета Мамедовича. С минуту он терпеливо слушал какую-то очень уж замысловатую композицию, в которой тон задавал кларнет с явным цыганским прононсом, затем стал наугад тыкать в кнопки, в надежде обнаружить что-нибудь более конвенциональное. Нашел новости. Диктор сообщил, что холодный фронт, накрывший в полдень Баку, сместился далеко на северо-запад, принес с собой метель, плохую видимость и гололедицу. Упомянут был и районный центр N, который вдруг оказался едва ли не в самом эпицентра навалившейся на страну непогоды. Сообщил он также и о многочисленных авариях, и о том, что на дороги вы-

ведена снегоборочная техника.

Тем временем уже вошедшая, по утверждению академиков, в историю деревня Сюрмяли давно исчезла в зеркале заднего вида, и лишь легкое свечение обозначало то место, где она пропала за поворотом. Дорога стала еще круче, извилистее, колея глубже, а ближе к вершине холма снег полетел гуще, замельтешил в свете фар. Однако Мирза Халил, уже совсем привыкнув к машине, почти не сбавлял скорости, получая наслаждение от ровного гудения мотора, урчащего с явным запасом. И впервые за много лет ему, давно уже переставшему водить, – считай, с начала 2000-х – вдруг снова захотелось иметь автомобиль, пусть даже и не такой прыткий и вездеходный. Но на то, чтобы купить машину не было ни денег, ни, самое главное, резона. Куда на ней ездить? Разве что на рынок.

«Кубик» лихо подпрыгнул на обледенелом ухабе, Мирзу Халила ощутимо потрянуло, он даже ударился не очень больно головой о потолок, но когда машина опустилась на все четыре колеса, на дорогу в полосу света метнулось что-то быстрое, черное и замерло на мгновение прямо посередине колеи, глядя на него парой изумрудных глаз. Он рванул руль вправо, отжимая одновременно тормоза, но скорость почему-то не упала, зато автомобиль развернуло на тридцать градусов, и его быстро вынесло с дороги к поросшему лесом склону холма. Влетев в сугроб, «кубик» оторвался правыми колесами от дороги и тяжело завалился на бок. Послышался резкий треск.

Мотор продолжал работать, пока Мирза Халил не повернул ключ зажигания. Судя по тому, что не сработали подушки безопасности, удар был не слишком сильным, однако по облепленному снегом лобовому стеклу паутиной расплзлась трещина. Он осторожно пошевелил пальцами ног в ботинках, ощупал шею. Если предположить, что машина просто завалилась набок, да еще на снег, – ущерб любимой игрушке Шербета Мамедовича должен быть нанесен самый минимальный. Если повезет, может даже получится поставить ее на колеса самому. Главное теперь – выбраться из машины.

Это оказалось делом непростым. Если в резвости и мощи «кубик» явно мог дать фору любой другой машине, то салон его был все-таки очень узкий, и Мирзе Халилу пришлось изрядно потрудиться, чтобы выбраться наружу через пассажирскую дверь. Мешали пальто, полуботинки сорок третьего размера, клаустрофобия и страх того, что машина остановилась на краю какой-нибудь пропасти и вот-вот начнет скользить вниз.

Машина действительно зависла на краю. Но только не пропасти, а широкого оврага, определить глубину которого из-за снега было невозможно. Завалившись набок, она докатилась до края, уперлась в плотные заросли, которые, судя по всему, и были источником услышанного им при падении хруста. На этом хорошие новости почти кончились: перевернуть «кубик» без посторонней помощи, лебедки и какого-нибудь трактора было нереально. Качая головой, Мирза Халил ходил вокруг машины, страшно матюгался и скрежетал зубами, вспоминая ослепленные светом фар изумрудные кошачьи глаза.

– Неужели тот самый поганый кот из мешка? – возмущался он вслух. – Тьфу! Чтобы тебя разорвало, гадина! Надо было мне тебя спасти?..

Делать было нечего, нужно было идти. Идти обратно в Сюрмяли было глупо. Он проехал его километров двенадцать назад. Оставалось идти вверх и надеяться, что до вершины осталось недолго. Подумав, Мирза Халил с трудом открыл заднюю

дверь внедорожника с подвешенным к ней запасным колесом и достал сумку с едой для Паши. Еще он надеялся найти там какой-нибудь инструмент для самообороны или, еще лучше, фонарь. Но нашелся лишь футбольный мяч и пакет с баннным халатом и сланцами. «Хорошо, хоть ботинки теплые, не зря покупал», – подумал он без особой радости и, застегнувшись на всевозможные пуговицы и замки, двинулся по обледенелой дороге вверх. И пока ушел еще недалеко, то и дело с грустью поглядывал через плечо на перевернутую машину, словно в надежде, что чудесный продукт немецкого автопрома вдруг оживет и каким-то образом сам перевернется на брюхо.

Сколько еще предстояло идти, Мирза Халил, разумеется, не знал, но надеялся, что недолго: подниматься вверх по занесенной снегом грунтовой дороге было делом нелегким. Он спотыкался, сбивался с ритма, пару раз почти упал, поскользнувшись на обледенелых краях колеи. Очень мешала сумка с едой для замерзающего Паши, а тут еще метель как будто только начала набирать обороты, стала густой, размашистой, крупные хлопья снега липли и цеплялись к бровям и ресницам, и их все время приходилось смахивать прочь, как мошкарку. Идти, между прочим, было не только сложно, но и довольно страшно. Успели уж сгуститься до темноты долгие зимние сумерки, недобро поскрипывали на морозе стволами деревья, трещали кусты, в глубине фиолетовых пролесков мельтешили короткие тени, и все не покидало Мирзу Халила странное чувство, что кто-то из-за спины следит за ним парой внимательных глаз. Уж не проклятый ли кот из мешка? Попеременно оглядываясь по сторонам, он почему-то вспомнил, как бабка со стороны отца поила молоком приبلудную рыжую кошечку, пришедшую к двери ее одноэтажной и темной халупы в крепости...

Да мало ли кто еще, помимо дурацкого кота, может бродить в этих лесах?

Позже, рассказывая обо всем произошедшем доктору Мурадову, Мирза Халил со смехом вспоминал, что от холода очень хотелось писать, однако, подгоняемый страхом, он никак не мог заставить себя остановиться хотя бы для того, чтобы только справить нужду, и продолжал идти, все больше прибавляя шаг.

В конце концов заболели колени, и как он ни старался дышать в поднятый воротник пальто, от мороза стало уже першить в носу и горле. А дорога и подъем все казались бесконечными. Однако на самом деле шел он недолго, примерно минут двадцать, когда за очередным поворотом спасительным маяком вдруг замаячила строительная техника в белесом свете прожекторов.

Помочился Мирза Халил уже только на вершине холма, помечая горячей струей колеса застывшего автопогрузчика и благодарно щурясь электрическому свету над головой. Вся строительная площадка была укутана белым. По периметру гулял ветер, взбивая снег в жидкие воронки. Ветер чуть подвывал, особенно ближе к краю.

– П-а-ш-а!.. Эй, Паша! – почти весело крикнул Мирза Халил, застегнув ширинку. Ветер утянул его голос в сторону леса.

– Живой?

– Кто там? – откликнулся из-под земли настороженным басом менеджер гостиницы.

– Свои, Паша! Свои!..

Из светящегося провала вынырнула знакомая голова, похожая на боксерскую перчатку.

– Вижу, что живой!

Так во второй раз за день Мирза Халил оказался в могиле.

Несмотря на крепчающий на поверхности мороз, в подземелье было не так уж и холодно. По крайней мере, здесь не дуло и было сухо, лишь на входе чуть присыпало снегом. Слышно было, как над головой раскручивается метель. Горели софиты. Мирза Халил передал менеджеру сумку с едой и сел на пластиковый стул.

– Там тебе теплые носки положили, еще шапку и варежки. А в термосе кофе. Чтобы не заснул. Часа через три, может, четыре, полиция подъедет тебя сменить. Ты в курсе?

Экзаменуя содержимое сумки, Паша кивнул.

– Ценит тебя Шербет... Слушай, не страшно тут одному сидеть?

– А ключи?

– Вот, – Мирза Халил достал из кармана ключи от вагончика.

– Пойду, перекушу.

– Подожди пока, кое-что спрошу, потом иди. Скажи мне, у тебя сколько человек тут постоянно дежурят?

Паша поглядел на него подозрительно исподлобья, пожал тяжелыми плечами:

– А что?

– Да ты не напрягайся, меня Шербет попросил кое-что уточнить. Понял? Простой вопрос: сколько у тебя человек дежурят? Они ведь парами дежурят, так? По-сменно?

– Вначале по одному дежурили, – ответил Паша после недолгой паузы.

– А как же греться в вагончике? Кушать?

– Тепло было. Можно было сидеть долго.

– А кушать?

– Две недели, как немец запретил.

– Понятно. Ну, так сколько у тебя человек-то?

– Трое.

– Это с тем, которого сегодня выгнали?

– С ним четверо.

– Ага, – сказал Мирза Халил. – Понятно, две смены по два человека. Так? Ты сегодня, Паша, днем говорил, что этот, которого выгнали, – новенький. Значит, до него было только трое охранников? И что получается – одна смена была неполной?

Буравя тяжелым взглядом Мирзу Халила, Паша не ответил.

– Слушай, а кто такой... сейчас... – Он достал из кармана листок с расписанием дежурств. – Кто такой вот этот Гулиев И.? Я смотрю, он у тебя везде в расписании, месяц назад – Гулиев И., вот еще, пожалуйста, а потом, начиная с прошлой недели, ты его везде вычеркнул и вместо него добавил гражданина Магеррамова В. Я так понимаю, Магеррамов В. – это тот, который сегодня хлебал здесь борщ? Правильно?

– Да.

– Он меня как раз не очень интересуется. А вот за что прогнали Гулиева И. – я бы хотел узнать. Расскажешь?

Менеджер молча набычился. Невысокий лоб его вспучился бульдожьими складками.

– Ладно, не хочешь говорить – не надо. Но я все равно узнаю, Паша, – с легкой насмешкой сказал Мирза Халил, сложив на груди руки. – Где, кстати, держишь записи с камеры?

Лицо менеджера пошло красными пятнами.

– Думал, я не знаю про камеру?

Поиграв желваками, Паша молча придвинул второй пластиковый стул и, положив сумку на пол, молча сел.

– Ну?

– Народ водил сюда. На мертвецов смотреть.

– Так я и думал. На записи увидел?

Не глядя на Мирзу Халила, Паша кивнул.

– А чего ты Шербету ничего не сказал?.. Думал, пронесет? Ладно, понятно.

Много народу таскал?

– Трое.

– Из Сюрмяли?

– Да.

– Ты их знаешь?

– Анар, имам. И двое друзей его. На лыжах вместе катаются.

– За бабки водил? А что, этот Анар не мог просто Шербета попросить? Они же, вроде, даже на охоту ходили вместе? Или что-то еще?

Паша неопределенно пожал плечами.

– Так что?

Паша опять посмотрел на Мирзу Халила исподлобья, но в этот раз скорее смущенно, чем со злобой.

– погоди, погоди, дай сам соображу... Что еще-то? Тьфу! На покойницу, что ли, смотреть ходили? Вот ведь народ озабоченный! – возмутился Мирза Халил, гулко хлопнув руками. – Мало им порнухи в телефонах и в интернатах... мало ишаков всяких... им еще, понимаете ли, на мертвую бабу подро.....ть нужно! Вот уроды!.. Ладно, Паша, иди, перекусывай. Иди, иди, потом договорим. Часа тебе хватит?

– Двадцать минут.

– Не надо. Отдыхай час. Вдруг еще полиция задержится, может, вообще до утра сидеть придется...

Как и предполагал Мирза Халил, плита, прикрывающая вход в погребальную камеру, оказалась тяжелой. Сдвинуть ее сразу, как утром это проделал Паша, ему не удалось. Пришлось встать на колени и, напрягаясь изо всех сил, двигать ее в сторону понемногу. Постепенно черный полумесяц становился все шире, из него все сильнее тянуло подвальным холодком, заставляя брезгливо морщиться Мирзу Халила, но, как и утром, – никакого трупного зловония не было, а если и было, то уловить его среди устоявшихся запахов земляного погреба было невозможно.

Наконец проход открылся достаточно широко. Кряхтя, Мирза Халил поднялся с колен и подтащил прожектор ближе к проходу. Не сразу, слой за слоем, свет стал раздвигать плотную темень, и он снова поразился тому, насколько лицо древнего степняка выглядело пугающе естественно. По спине Мирзы Халила пробежала холодная дрожь. Из ямы тянуло не только холодом, но и какой-то оглушительной тишиной, покоем, из которого как будто бы выветрилось без остатка даже само время, как из незакрытой бутылки шампанского выветривается весь газ. Сохранилась лишь оболочка вещей. Но сохранилась на удивление так хорошо, что волосы на руках становились дыбом.

Он осторожно уложил прожектор на пол, плафоном вниз: муж с женой стали видны целиком. До самых носков остроносых войлочных сапожек, торчащих из-под покрывающей супругов медвежьей шкуры. И даже твердо помня из университетского курса криминалистики, что, вопреки расхожей байке, ни ногти, ни волосы у мертве-

цов не растут, он невольно стал разглядывать аккуратные ногти женщины, венчающие ее тонкие, длинные пальцы, унизанные нехитрыми кольцами. Пальцы были действительно красивые. А Мирза Халил, как известно, ценил красивые женские руки. Ценил он и тонкие щиколотки, и высокий подъем стопы, но ног принцессы, увы, не было видно. Лишь войлочные сапожки, расшитые светлым бисером.

Он опять пожалел о потерянном мобильнике. Постояв еще с полминуты в нерешительности, замороженный деликатным образом смерти, Мирза Халил отправился обратно к выходу из подземелья за складной алюминиевой лестницей, которую заметил еще утром у стены за строительными лесами. Поднявшись по ведущим наружу импровизированным ступеням и вернувшись с лестницей, он встал над проходом, широко расставив ноги, и принялся медленно опускаться по лестнице вниз, в могилу, словно перекидывая мостик в бездонное прошлое, – пока она не уперлась в каменный пол. Теперь предстояло самое сложное. Для удобства он скинул с себя пальто и бросил его на спинку пластикового стула.

Он спускался медленно, по одной ступеньке, в перерывах прислушиваясь к звукам, и в полной иллюзии, что опускается в колодезь, полный неподвижной холодной воды. Где-то над головой по-прежнему были слышны отголоски вьюги, а внизу, в колодезе, в который он опустился уже по пояс, стояла самая непроницаемая тишина. Ощущение было удивительное: жуткое и восхитительное одновременно. Мирза Халил чувствовал себя нарушителем, почти преступником, однако маслянистая темнота могилы принимала его в себя почти без сопротивления.

Наконец ступеньки кончились, и он нащупал ногой пол. Отпустив лестницу, Мирза Халил оглянулся. Сюрмялинские супруги лежали прямо перед ним, на невысокой земляной платформе, покрытой досками, на расстоянии вытянутой руки. Ближе к нему лежала женщина. Лица ее все еще невозможно было разглядеть из-за мелкой золотой сетки, спускающейся от тиары до самой груди. Зато стали видны длинные толстые косы с вплетенными в них высохшими цветами, бисером и лентами, и волнующий абрис груди. Кожа на ее руках была бескровной, но чистой, гладкой, без пятен. Сквозь очки стали отчетливо видны даже поры и мелкие волоски.

Наконец, облизав спекшиеся губы, Мирза Халил протянул дрожащую от напряжения руку и, ухватив самый уголок вуали кончиками пальцев, стал деликатно поднимать ее вверх, стараясь при этом не глядеть на лежащего рядом покойника из-за нелепого страха встретиться с его осуждающим взглядом. Вслед за поднимающейся вуалью на шею и на лицо женщины медленно напознал свет прожектора, сильно приглушенный плотной темнотой могилы, и вот уже через мгновение лицо загадочной степной принцессы все целиком предстало перед ним: Мирзу Халила перекосило от ужаса...

7

Он разлепил отяжелевшие от снега ресницы и удивился тому, что почти не чувствует холода. Лишь что-то пульсировало в пальцах ног. Особенно в правой ноге. Было нереально тихо. Было тихо так, что он не слышал даже собственного дыхания. Будто под водой. Стараясь не делать резких движений, Мирза Халил приподнял голову, чтобы осмотреть ногу, но тотчас же острая, ослепляющая боль электрическим разрядом прокатилось по всему его телу, и он снова беспомощно откинулся на спину. Зато стала понятна причина необычайной тишины: в уши набился снег...

...Морща гармошкой боксерский лоб, Паша вполне наглядно объяснил, как включать и выключать импортный подъемник. Дело оказалось нехитрое. Не прощаясь, Мирза Халил с его помощью вскарабкался на уходящее вниз двойное сидение и начал долгий спуск в убеленную метелью долину, куда новогодней гирляндой убегали белесые огни, обозначающие вершины пролетов, сквозь которые с напряженным гулением скользили канаты.

Так во второй раз за день он оказался на подъемнике. Прежде горнолыжные подъемники, как и всякого рода загадочные древние захоронения, он видел лишь по телевизору или в кино, преимущественно из зарубежной жизни. А тут все сразу!..

«Повезло?» – думал Мирза Халил, втягивая голову в воротник, потому что сильнее всего мерзли уши. Точнее, верхние кончики ушей. Он накрывал их ладонями, тер, но эффект от этого был минимальный. Покачиваясь высоко над едва различимыми кронами деревьев, он представлял себе то благословенную рюмку коньяка или, черт с ним, пусть водки, но приличной, да с какой-нибудь острой и пряной закусью.

Канаты скользили быстро, уверенно, и до этого различимая в глубине темного пейзажа лишь светящимися окнами шикарная гостиница Шербета Мамедовича становилась все ближе, постепенно обретая форму и плотность, но, учитывая мерзнущую без шапки голову, – недостаточно быстро. А тут еще опять приспичило облегчиться. Мирза Халил беспокойно заерзал. Неужели простата? Скорее, скорее в тепло!

Манящие окна гостиницы вдруг погасли в одночасье, и следом, по цепочке, стали один за другим гаснуть фонари вдоль лыжной трассы, а через мгновение обессточенная замерла вся канатная дорога. По инерции продвинувшись вперед еще с полметра, зависло, раскачиваясь, и его кресло. Последними погасли огни на вершинах пролетов. И тут же на Мирзу Халила навалилась оглушительная, леденящая тишина, которую только подчеркивали продолжительные механические поскрипывания сидений и канатов и приглушенный свист гуляющего ветра.

– Приехали! – сказал он сам себе в отчаянии, но все еще надеясь, что дорога вот-вот оживет, заработает. Вывернувшись назад и следуя взглядом за жирно блестящими стальными канатами, к которым липли снежные хлопья, попытался он разглядеть в неразличимой темноте вершину холма.

Тем временем в глубине долины вдруг снова тепло и ровно засветились окна гостиницы. «Слава богу!» – вздохнул Мирза Халил с облегчением. Следом загорелись фонари перед парадным подъездом и вдоль ограды. И вокруг неработающего фонтана. А потом... а потом прошла еще минута. И вторая. И третья, а лыжный подъемник так и стоял погруженным во мрак. Еще минут через десять Мирза Халил потерял терпение.

– Эй! – крикнул он неуверенно, пробуя голос: – Паша!.. Эй!

В ответ не было даже слабого эха – все заглушили холмы, деревья и снег. Лишь то же равнодушное посвистывание метели, да монотонный скрип качающихся на ветру сидений. Мирза Халил уже начал осознать всю отчаянную серьезность своего положения.

Похлопав друг о дружку ногами в полуботинках, он наклонился вперед, прицениваясь к расстоянию до земли. Сразу под ним было высоко. Он прикинул на глаз – метра четыре. Может, больше. А еще неизвестно, что там, внизу, под снегом! Может, камни? Овраг? Строительный мусор? Вот если бы добраться до следующего пролета! Еще утром Мирза Халил обратил внимания на то, что на все пролеты, выглядевшие как «Т»-образные вышки, к крыльям которых, собственно, и крепились

роллеры с канатами, были экипированы приваренными к ним железными ступенями. Очевидно для ремонта и сервиса подъемника. На свою «удачу» он застрял почти ровно на половине пути между двумя пролетами. Приблизительно те же метра четыре, только теперь не по вертикали, а по горизонтали. Если встать на спинку сидения, то можно ухватиться за канат, повиснуть...

– Сто семнадцать килограммов живого веса... плюс одежда! – Мирза Халил со злостью выругался. Опять остро кольнуло в промежности напоминанием о мочевом пузыре. И одновременно с этим на него вдруг навалилась тяжелая, деморализующая усталость. Потянуло в сон. Он стал вспоминать термин, обозначающий смерть от переохлаждения. На языке вертелась одна «гипертония». Откинув полы пальто и стащив перчатку с руки, он спустил замок и стал нервно тереть завязки подштанников.

И так второй раз за день Мирзе Халилу пришлось справлять нужду на морозе, рассекая дымящейся струей стылый горный воздух. На этот раз еще и в нескольких метрах от земли.

Застегиваясь и заправляясь, он подумал, что теперь даже холод как будто бы стал терпимее, и тут же вспомнил, как называется смерть от переохлаждения:

– Гипотермия. Ага...

Выбирать было особенно не из чего.

Осторожно подняв защитную перекладину, Мирза Халил ухватился руками за кронштейн, к которому крепилось кресло и, стараясь не раскачивать его, встал ногами на шаткое сидение. Стало страшно, нужно было действовать быстро. Избегая глядеть вниз, Мирза Халил потянулся к стальному тросу над головой, опробовал его, после чего, набрав в легкие обжигающего морозного воздуха, решительно ухватился обеими руками в перчатках за него и, поджав ноги, повис всем весом. И тотчас мышцы спины потянуло, как перетянутые жгуты, свело предплечья, перед глазами вспыхнули и поплыли цветные пятна, но хуже всего оказалось дело с запястьями: казалось, они вот-вот выскочат из суставов. Мирза Халил зажмурился, нужно было перетерпеть, пока тело, оправившись от шока, не начнет привыкать к боли.

Наконец он переставил правую руку вперед и, качнувшись, сам подтянулся за ней следом. Потом еще «шаг», и еще, все дальше, прочь от желтого кресла. Он двигался к спасительному пролету, энергично перебирая немеющими руками, но каждое новое движение давалось все труднее. А тут еще трос стал извиваться змейкой, врезаясь сквозь перчатки в слабеющие пальцы. Ему пришлось остановиться, беспомощно повиснув над белым склоном. Горячая струйка пота покатила у Мирзы Халила по хребту. Наступило отчетливое понимание того, что до «пролета» ему не добраться.

Путь обратно был мучительным. Он стал задыхаться, уже не чувствовал рук, а тут еще начала кровоточить правая ладонь, сплошь изрезанная проклятым тросом сквозь перчатку. Когда до сидения оставалось чуть меньше полуметра, Мирза Халил отчаянным рывком попытался дотянуться до него и чуть не сорвался вниз. Уже совершенно обессилевший, он, наконец, добрался до кронштейна, кое-как сполз на качающееся кресло и замер, тяжело дыша, в полном изнеможении.

Метель почти утихла. Внизу переливалась манящими огнями гостиница Шербета Мамедовича. Стало тихо. Лишь временами ветер сдувал со склонов снег и швырял его с сухим треском в Мирзу Халила. Холод пробирал до костей. Взмокшее от усилий белье теперь липло ледяным саваном к телу, отчего любое движение давалось с трудом. Стащив с руки остатки расплосованной перчатки, он осмотрел ла-

донь. Порезы кое-где были довольно глубокие и все еще кровоточили. За неимением лучшего, Мирза Халил зажал в ладони остатки перчатки, а затем, подтянув вверх ноги, устроился, как мог, и закрыл глаза. Нужно было думать, что делать дальше, что-то решать. Но думать не было никаких сил. Измученное тело требовало покоя.

– Спать нельзя, – предупредил себя Мирза Халил, засыпая. – Замерзнешь.

Он увидел супругу Шербета Мамедовича в бирюзовом купальнике в шезлонге на пляже почему-то в Новханы, поселке, который он терпеть не мог. Помимо купальника, на ней еще была какая-то широкополая шляпа. Смущаясь, он сидел рядом на песке, на горячем, почти раскаленном песке, чувствуя, как благодатное тепло расходитя по всем его одеревеневшим мышцам.

«Ай, ай, ай! – качала она головой в шляпе, как-то двусмысленно улыбаясь Мирзе Халилу. – Мальчику все лицо разбили».

Грудь ее за чашечками купальника выглядела молодой, округлой, стоячей. «Это всё операции», – мстительно подумал он, стесняясь своего интереса к груди супруги Шербета Мамедовича.

«Это ваш телефон звенит?»

«Кажется...»

Стандартная «самсунговская» трель, увы, вернула его с пляжа на лыжный подъемник. Звук был далекий, глухой, но настоящий. Разлепив глаза, он встрепнулся. Стал озираться по сторонам.

– Эй! – крикнул Мирза Халил уже успевшим осипнуть голосом. – Эй! Помогите...

Трель продолжалась. Единственным светящимся пятном во всем пространстве была гостиница в глубине долины. Не мог же он услышать звонок, доносившийся оттуда. И тут вдруг его осенило: преодолевая боль в мышцах, он встал на колени на скользком сидении и, перегнувшись через спинку, посмотрел вниз.

Там, почти прямо под ним, на овражистом склоне, из-под снежного полотна пульсировало и переливалось неоновое свечение. Он даже узнал рингтон: доктор Мурадов! Мирзу Халила охватила паника. Ему казалось – это последний шанс, вот-вот умолкнет мобильный, темнота и холод сомкнутся над ним, как воды, и тогда он точно замерзнет всего в каких-то четырех метрах от земли. Отбросив сомнения, он крепко ухватился за металлическую перекладину безопасности, и, стараясь не думать о том, что может ждать его на склоне, стал медленно сползать с кресла вниз. Неоновое пятно все еще не погасло. Он не выпускал его из поля зрения.

– Ай, Аллах! – просипел Мирза Халил, разжав вконец одеревеневшие пальцы.

Полет был коротким. Удар об землю смягчили снег и пальто. Еще не потеряв сознания, он догадался, что с ногой что-то явно не так.

«Ну, ты знаешь это: стакан то ли наполовину полный, то ли наполовину пустой. Знаешь?»

«Знаю, конечно».

«Вот я и думаю иногда: почему это раньше он бывал то пустой, то полной – по-разному, а теперь все время только пустой».

«Просто надо уметь стареть без агонии».

«Только, Мурадов, не вздумай еще учить меня, как надо стареть, ладно? Я по этому делу – чемпион. Сам, кого хочешь, могу научить. Но стакан теперь все равно все время пустой».

«На самом деле, Мирза, стакан одновременно и пустой, и полный».

«Так не бывает. Одно исключает другое».

«Бывает, Мирза. Ты слышал про «кота Шредингера»? Квантовая физика».

«Это который и жив, и мертв одновременно, что ли? Слышал что-то. Фигня какая-то...»

«Это называется суперпозиция – смешение двух состояний, когда отсутствует наблюдатель. Значит, эксперимент такой: сажаем бедолагу кота в коробку, в которой установлен счетчик Гейгера. Туда же кладем радиоактивное вещество, но такое минимальное количество, что оно может распасться или не распасться только на один атом в час... Понимаешь? Теперь, если оно распадается – счетчик реагирует, включается реле и приводит в движение некий механизм, который разбивает склянку с синильной кислотой. Все, бум, и кот сдох. А если не распадается, кот – живой и здоровый».

«Ну, и что из всего этого следует?»

«А то, что пока мы не открыли коробку, кот для нас и жив, и мертв! Уловил? То есть, если мы начинаем вдруг рассуждать про этого самого несчастного кота, мы должны учитывать обе эти возможности. Он как бы существует в двух разных состояниях. Принцип неопределенности...».

«Ерунда все это, Мурадов. Про своего кота мне давно все известно: он давно уже сдох. И даже успел протухнуть. Мне и коробку-то открывать не надо».

...Выковыряв из ушей снег, он приподнялся на локтях, насколько мог. О том, чтобы сесть, не могло быть и речи: боль была такой острой, что его даже стало подташнивать.

«Открытый или закрытый?» – думал он, пытаясь шевелить пальцами. С «плохой» ногой все обстояло из рук вон плохо: любое движение вызывало свежую волну головокружительной боли, зато с другой, судя по всему, все было в полном порядке: он шевелил пальцами, без проблем сгибал ее в колене, и единственное, что вызывало его беспокойство, было то, что она сильно мерзла. Приглядевшись, Мирза Халил обнаружил, что чудесные утепленные «маде ин чина» полуботинки напрочь лишились подошв. То есть, полуботинки продолжали удобно и элегантно облегать его ступни, но вместо подошв, увы, он видел нос и пятки собственных носков.

– Сука! – сказал Мирза Халил в голос, вспоминая плюгавую продавщицу в торговом центре. Помогая ему натянуть ботинки, она со знанием дела убеждала его, что «китайское сейчас даже лучше итальянского, тем более, что все итальянское – все равно китайское, а если так – чего платить больше», и что она сама была недавно в Китае, и хотя все он едят собак, змей и прочую гадость, экономика у них – будь здоров!

– Чтобы ты провалилась со своим Китаем, – испытывая к себе в этот момент невероятную жалость, прошипел Мирза Халил.

Мобильный давно уже перестал звонить. Погасло и неоновое свечение. Теперь в ровной морозной темноте было почти невозможно определить его местонахождение. Он беспомощно озирался по сторонам, в надежде сориентироваться по месту падения.

Превозмогая боль, Мирза Халил приподнялся и сел. На глаза навернулись ключие слезы. Снег все еще продолжал сыпаться, но уже не так густо и плотно, как всего пару часов назад, зато ударил мороз. Ждать больше было нельзя. Щурясь, он закинул голову и посмотрел вверх: на фоне светлого от снега неба черным силуэтом неподвижно висело кресло подъемника. Трасса по-прежнему была погружена во мрак.

– Сука! – ни к кому конкретно не обращаясь, снова выдавил из себя Мирза Халил и поразился тому, как сипло и неуверенно прозвучал его голос на фоне равнодушного безмолвия окружающих холмов. Ему стало страшно. Но тут чуть ли не в полуметре от него под снегом снова ожил, заверещал, зазвенел спасительный телефон, испуская, словно магический кристалл, голубоватое свечение. Мирза Халил не стал ждать. Не обращая внимания на боль, рывком перекатился на бок и, дотянувшись, выудил телефон.

– У тебя совесть есть? – кричала ему в трубку сестра Сара. – Трудно позвонить? Я тебе уже двадцать раз звонила! Мирза!..

– Сара...

– Ты где вообще? Эта засранка, твоя невестка, мне говорит, что ты в горы полез! Представляешь? Я говорю, как так? Как вы его отпустили, он же пожилой человек! А она мне: я не знаю! Идиотка! А сынок твой вообще к телефону не подходит. Спит, видите ли! Главное, она со мной так разговаривает, как будто я ей денег должна! Вся их порода такая, самодовольная... И мать эта ее, дура, губы накачала, сиськи сделала – прямо хоть замуж выдавай!.. Ты где сейчас, Мирза? Ты что, на самом деле в горы полез? Обалдел на старости? Хочешь шею сломать? Калекой остаться на мою голову! С каких это пор ты лыжником стал?

– Сара...

– Подожди, подожди, что у тебя с голосом? Выпил, что ли!.. – взвизгнула она.

– Сара, Сарочка, ты не представляешь, – просипел он, улыбаясь обветренными губами, – как я рад тебя слышать.

– Да ты совсем пьяный!

8

– Ну, не тяни уже, Мирза, что там было-то? Заинтриговал.

Игнорируя вопрос, Мирза Халил кивнул небритым подбородком на ногу в ортопедическом сапожке:

– А ведь первый раз в жизни ломаю, Мурадов. Вот сейчас вспоминаю – сто раз падал, и ничего. И в авариях был. И в драках всяких... Синяки только. – Он вдруг задумчиво замолчал. – Мать покойная Сару, жену твою бывшую, всегда жалела. А про меня говорила, что шкура у меня толстая. Ничем не проймешь.

– Что она, сгнила?

– Кто?

– О ком говорили? Принцесса твоя! Сюрмялинская красавица.

– Лучше бы уж сгнила.

– Тогда что?

Мирза Халил покачал головой и одним глотком допил виски. Виски принес Мурадов.

– Не хочешь говорить, не надо.

– Ладно, Мурадов, только опять предупреждаю: дело это на контроле. На самом деле. Мне уже звонили два раза. С нашей стороны знают только 6 человек. Имей в виду. Ты будешь седьмым. Но официально ты ничего не знаешь. Вообще ничего!

– Я же обещал, Мирза...

– Слушай, давай допьем уже, что там осталось ...

- Мирза!
- Всё! Всё!.. – вздохнул он и сказал полупрошептом: – Короче, мужик там оказался. Понимаешь?
- Что? – грузно поддался вперед Мурадов. – Кто оказался?
- Ну, мужчина, прости, господи, оказался. Не принцесса никакая. Точнее, принцесса, но только мужского пола... как сейчас модно...
- Подожди, подожди, Мирза, как так? Ты имеешь в виду дама была без эпиляции, что ли? Некрасивая? Монобровь и все такое?
- Я имею в виду, Мурадов, что это был мужчина. Мужчину от женщины я еще отличить могу. С усами, с бородой. Только женоподобный. Трансвестит, короче, или как они там, тьфу, называются!
- Не торопись. Борода и усы еще ничего не доказывают. У меня была тетка с отцовской стороны, так она, как только беременела, – обрастала так, что из дома выйти не могла. Реально! Девять месяцев от людей пряталась! Гормональный сдвиг. А вообще, есть такая дисфункция, в медицине это называется гирсутизм. По статистике...
- Успокойся, Мурадов! Плохой или хороший, но я бывший следователь... – возмутился Мирза Халил. – Я ей... прости, господи... даже под платье заглянул!
- Откинувшись на спинку, Мурадов стал безудержно хохотать:
- И что там?!
- Тьфу! Безобразие! – Мирза Халил дотянулся до бутылки и разлил по фужерам остатки виски.
- Лажа какая!.. Принцесса степная!.. Может, певец какой был древний... – продолжал стებაсться Мурадов.
- Все, замяли! Я же только что объяснил!
- Молчу! Молчу! Однако отличная история получилась. Кто бы мог подумать... Они выпили.
- Теперь понятно, чего эти сюрмялинские патриоты переполошились.
- Именно. Я думаю, этот И. Гулиев обнаружил все это дело первым. Побегал и доложил Анару-лыжнику. Потому они и приперлись на нее поглядеть, а не из любопытства, как Паша предположил. Ведь скандал большой. Их-то уже сюрмялинским захоронением нарекли. Сюрмялинская принцесса и прочее. А принцесса, извиняюсь... шампунчик. Вот они и решили могилу то ли взорвать, то ли попопалить.
- А чего к Шербету сразу не пошли? Объяснились бы.
- И что бы они ему сказали? Закапывай обратно? Шербет уже на весь мир к тому времени раструбил. Спецов вызвал. Там документальный фильм собирались делать.
- Да. Нагадили предки.
- Не говори! Хуже не придумаешь. Представляешь, если об этом станет известно – весь мир ржать будет! И армяне больше всего...
- Слушай, а об этом я даже не подумал. Ну и что было дальше-то?
- Дальше все просто. Я позвонил в гостиницу. Они довольно быстро меня нашли, рассказал все Шербету. Он по первости стал кипятиться, что я в могилу без разрешения полез. Потом пришел в себя. Понял, идиот, чем дело пахнет. За такие находки, дорогой, никто по головке не погладит. Престиж страны в унитаз, понимаешь, и все из-за какого-то древнего педераста. Обидно.
- Гостиница Шербета точно стала бы центром гей-туризма...

– Еще бы.

– И чем все закончилось-то?

– Шербет уже на следующий день помчался в Баку, с кем-то чего-то перетер. Чуть ли не на самом высоком уровне. Не сам, конечно, а через-через – и все, решили объект законсервировать, пока не придумают, что с этим безобразием делать дальше. Через пару дней все залили бетоном, как чернобыльскую станцию саркофагом. Токсичность, между прочим, приблизительно та же.

– А немец? А международная общественность?

– Ты что, за новостями не следишь? Не слышал про землетрясение? А? Небольшое такое, вроде никто даже и не заметил. А зря. Могилу, само собой, удачно завалило. С концами. Кончилась находка века. В новостях показали какой-то котлован, какую-то провалившуюся деревенскую крышу. И все дела. А, нет – были еще комментарии из Академии и Музея истории. Качали головами, но все закончилось на оптимистической ноте. Типа, жила бы страна родная, еще и не такое раскопаем. А потом показали репортаж с фестиваля долмы. Все счастливы.

– Зря я местные каналы не смотрю.

– Упускаешь много любопытного.

– Seriously, что они на самом деле думают делать со всем этим?

– Не знаю, Мурадов. Я человек маленький. Пенсионер. Да еще и нога сломана.

Пока решают. Им виднее. Говорят, обсуждают несколько вариантов. Это мне Шербет нашептал. Уж не знаю, чего это он вдруг так проникся ко мне... Один вариант – избавиться от «принцессы». Дядьку оставить, а подружку его закатать в какой-нибудь спецхолодильник в каком-нибудь подвале нацбезопасности, опечатать и забыть. Я тебя уверяю, в этих холодильниках, если покопаться как следует, еще покруче вещи найдутся. А что, тысячу лет лежал себе этот гражданин на горе, пусть еще полежит до лучших времен. Есть другой вариант: избавиться от обоих. Типа, оба хороши, и нечего с ними возиться. У них, понимаешь, любовь, прости, господи, а у нас менталитет.

– Да, проблемка, – ухмыльнулся доктор. – Жил бы в наше время, пошел бы в певцы.

– Точно. Но ему, видать, и так было неплохо. Честно говоря, если бы меня спросили, я бы посоветовал: надо оставить их там, где лежат. Закатали в бетон – и ладно. Пусть покоятся дальше. И с менталитетом проблем не будет.

– А наука?

– Мурадов, какая, на фиг, наука? Ну, выволокли бы их оттуда. Отвезли бы в какой-нибудь музей. Написали шестьсот диссертаций. И что? Ходили бы какие-нибудь арабские туристы смотреть на них под стеклом, снимали бы селфи. Это, что ли, наука?..

Декабрь начался дождями, ветром и неожиданным поворотом в историю с Сюрмялинской принцессой.

Несмотря на строжайшую тайну, кто-то все-таки проговорился (Мирза Халил не без основания подозревал академиков, особенно молчаливого). Некий блогер, обвинив власти в сокрытии фактов и безобразно спекулируя на всей этой истории, затеял петицию с требованием легализации гей-браков. В своем обращении он более-менее стройно, а главное, детально излагал историю с находкой в Сюрмяли, что явно указывало на утечку из самого первого круга посвященных.

Дошло до того, страшное дело сказать, что несколько таких же, как и он сам, отщепенцев попытались устроить флэш-моб на Площади Фонтанов!

Мирза Халил оказался прав: вскоре следствие по делу о «несанкционированном митинге, нарушении общественного порядка и распространении клеветнических слухов, искажающих историческую правду о прошлом нашего народа» установило, мягко говоря, двусмысленную связь между молчаливым академиком и арестованным блогером.

В конце второй недели декабря с утра должен был подойти мастер: сменить спираль накаливания в колонке и разобраться с краном на кухне. Вроде бы, договорились на половину десятого, но в дверь позвонили в восемь, как раз в тот момент, когда Мирза Халил только собрался вылить взбитые с нашинкованным зеленым луком яйца на сковородку. Отложив чугунную сковороду в сторону, он подхватил стоявшую в углу трость и заковылял к двери.

– Кто там? – громко спросил он с середины коридора. Ответа не последовало, но ему показалось, что он услышал удаляющиеся шаги.

– Кто там? – повторил Мирза Халил, уже подойдя к двери и прильнув к глазку: лестничная площадка выглядела пустой. По крайней мере, никого не было видно. Постояв немного, он отодвинул щеколду. Он не сразу заметил на пороге оставленную кем-то поллитровую банку каких-то солений. Не выпуская из руки трость, он, кряхтя, наклонился и подхватил банку свободной рукой. На самодельной этикетке было выведено черным фломастером: Денизли, июль, 2011 г.

– Денизли?

Он повернул банку в руке и, чтобы разглядеть ее содержимое, приблизил ее к глазам: в светло-зеленом маринаде среди звездочек аниса, черного перца и зубчиков чеснока плавал массивный человеческий... нос! Он едва не выронил банку из рук и с отвращением поставил ее на коридорную тумбочку.

Похоже, что нос был женский, пористый, с темными ноздрями, внутри которых можно было даже разглядеть волоски. Судя по разрывам кожи, свисающей с задней стороны носа белыми волокнами, он был то ли оторван каким-то образом, то ли откушен.

– Мерзость! – возмутился Мирза Халил и тут, сообразив, торопливо, насколько позволяла нога, заковылял в гостиную. Добравшись до окна, он стал разглядывать выход из подъезда. И, кажется, вовремя: из двери выходил невысокий человек в твидовой кепке. Не глядя по сторонам, он сел в ожидающий его черный внедорожник. Машина тяжело съехала с тротуара и покатила к выходу со двора.

– Вот же мерзавец какой! Людоед поганый! – выругался Мирза Халил и со злостью хлопнул тростью по спинке дивана. Вверх взметнулся и повис фонтанчик пыли. Его переполняло возмущение. Он стал хромать обратно в сторону коридора, где оставил банку с омерзительным носом, и тут вдруг вспомнил, что записывал телефонный номер людоеда.

– Ага! Подожди, подожди!.. – сказал он сам себе, выхватывая из кармана треников мобильный телефон. – Где ты у меня тут... так... на «и» ... так..., сейчас, так... Игбал – вот! Куда ты от меня денешься!

Он набрал номер.

– Вас приветствует салон красоты «Бонжур Мадам» ... – ответил вкрадчивый голос.

– Але!.. Игбал! Але!..

– ... «Бонжур Мадам» официальный дистрибьютер «Герлен» в Азербайджане. Наши мастера ждут вас ежедневно с десяти ноль-ноль до двадцати двух ноль-ноль по адресу...

– Але! – продолжал рычать в трубку Мирза Халил, пока не сообразил, наконец, что имеет дело с автоответчиком. Он дал отбой, набрал номер снова, и снова прослушал сообщение. Либо он перепутал цифры, записывая номер, либо...

Нацепив очки, он вернулся к банке с маринованным носом. Последний раз в Денизли Мирза Халил был лет этак двадцать тому назад. Может, даже и раньше. Скорее всего, раньше. Никаких знакомых или родственников, живущих в Денизли, он не помнил, хотя для полной уверенности следовало бы позвонить сестре Саре, которая обычно была в курсе всех семейных новостей, даже если речь шла о самых дальних родственниках. И уж совершенно точно он не мог припомнить ничего, хоть как-то связанного с чьим-то носом, не считая безумной выходки самого Игбала.

Принявшись брезгливо рассматривать содержимое банки с разных сторон, Мирза Халил все еще надеялся, что нос, может, и ненастоящий, силиконовый, например, или еще что-то в этом роде, и что все это просто идиотская шутка, но чем дольше он разглядывал его, тем очевиднее становилось, что он, увы, самый, что ни на есть, настоящий.

– Чтоб тебе провалиться...

К приходу мастера он убрал банку на балконные антресоли: поставил на верхнюю полку за пустыми баллонами. Еще и укутал в старое чайное полотенце.

День был будний, но, несмотря на это, в «Second Cup» на первом этаже, как и в прошлый раз, стояла внушительная очередь. Вкусно, по-иностранному, пахло свежим кофе. После скучных зимних улиц яркое фойе Торгового Центра, как всегда, напоминало о другой, удобной и успешной жизни. Хромая к эскалатору, Мирза Халил невольно глянул в сторону турецкого ресторанчика: знакомый уже бородатый зазывала был на посту.

Магазин назывался «Ле Шато». В памяти застряли горящие золотистые буквы прописью на каком-то очень темном, как будто бы даже черном фоне. Однако после неудачи с телефонным номером ни в чем нельзя было быть уверенным. Эскалатор почти бесшумно вынес его на второй этаж, где, не задумываясь, он повернул направо и, маневрируя, насколько позволяли нога и трость, торопливо заковылял в потоке зевак, медленно плывущих вдоль витрин, залепленных кричащими процентами скидок.

«Ле Шато» оказался на углу: между женским бельем и проходом в туалеты. С первого взгляда было понятно, что магазин недорогой, но с претензией.

– Послушай, дочка! – подозвал Мирза Халил невысокую смуглую девушку, – судя по петличному радиомикрофону на поясе и озабоченному виду, с которым она раскладывала по полкам одежду, это была продавщица. Девушка нехотя обернулась и, активно хлопая накладными ресницами, критически оценила Мирзу Халила.

– Слушаю? – сказала она, продолжая раскладывать вещи.

– Ты же здесь работаешь?

– Да.

– Я ищу хозяина. Хозяина магазина...

– Менеджера ищите? Гурбан-муаллима?

– Гурбан-муаллима?

Девушка скорчила гримасу:

– Менеджер, да, наш. А вы кто?.. Гурбан-муаллим, – окликнула она стоявшего к ним спиной высокого мужчину в темном пиджаке. – Гурбан-муаллим, тут вас, э, спрашивают...

Нос Гурбан-муаллима из-за широких, мясистых крыльев и массивной переносицы выглядел каким-то чужеродным наростом. Особенно в сравнении с гладко выбритыми щеками и подбородком. Он был не только большой, но и уродливый, с темными капиллярами по бокам, глубокими порами и вьющейся из ноздрей грубой щетиной.

– Что хочет аксакал? – спросил он девицу, неприязненно глядя на Мирзу Халила.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Сказал, с вами хочет поговорить.

Мирза Халил едва сдерживался от распирающего его негодования.

– Аксакал, тебе что нужно?

Само собой разумеется, что Игбала он не опознал. Ни по описанию, ни по фотографии в мобильном. После чего разговор их иссяк довольно быстро: в какой-то момент бесцеремонно прервав Мирзу Халила на полуслове, менеджер бросился помогать кому-то из покупателей.

Хромая прочь к эскалатору, Мирза Халил, смакуя, мысленно представил себе огромный нос управляющего в банке с маринадом среди чеснока и перца.

Прежде чем выйти из мола, он не преминул заглянуть в магазин обуви, где ему в прошлый раз втюхали китайские полусапожки. Скандала не вышло. Очевидно, что ортопедический сапог и хромота произвели какое-то впечатление. Ему предложили дисконтную карту постоянного покупателя и разовую пятидесятипроцентную скидку на любую пару обуви в магазине. Ничего, однако, не купив, он отправился домой на такси, заглянув по дороге в супермаркет «Сябят» возле метро, где взял немного яблок, творога и две бутылки темного пива. Дома у него еще оставались два нетронутых многообещающих норвежских детектива с серийными убийцами в анонсах.

Поднимался он на четвертый этаж долго, с остановками. Запыхался. Из головы все не шел наглый менеджер с его ужасающим носом. Стоило бы, наверное, его предупредить о людоеде, о его, мягко говоря, вкусовых предпочтениях, а с другой стороны...

Уже добравшись, наконец, до своего этажа, он бросил опасливый взгляд на соседнюю дверь, вот-вот ожидая лязга дверной задвижки и, как следствие, появления в дверном проеме соседки в каком-нибудь очередном безумном розово-фиолетовом халатике, надетом поверх просвечивающего пеньюара. Но соседки, по счастью, видимо, не было дома.

Нужно было срочно и как-нибудь половчее избавиться от проклятой банки с носом.

Он достал ключи, с силой потянув на себя ручку, стал отпирать замки. И только когда толкнул дверь, заметил, как что-то рыжее мягко проскочило у него между ног в коридор.

– Пошел! – возмущенно сказал Мирза Халил. Котенок мяукнул, показав розовый язык. В холодильнике, вроде бы, еще должно было оставаться полпакета молока.